

Ева Трезор

Попаданка. Демоны знают её имя

«Литнет»

2026

Трезор Е.

Попаданка. Демоны знают её имя / Е. Трезор — «Литнет», 2026

Я ехала домой к сыну — и оказалась в чужом мире, разорванном войной. Два жестоких демона заявили, что я принадлежу им. Они готовы уничтожить друг друга, а моя жизнь стала ключом к тайне исчезновения их отца. У меня теперь нет права на ошибку. И больше нет пути назад. В этом мире демоны знают твоё имя — и это не к добру... Буктрейлер во вкладке рядом → Жанры: тёмное фэнтези, попаданка, демоны. Возрастной ценз: 18+ Предупреждение. В тексте есть: # Сцены насилия и жестоких наказаний # Психологическое давление # Принуждение и власть # Темные ритуалы # Интрига и неожиданные сюжетные повороты Книга завершена. Все материалы 18+ выкладываются в телеграм-канале Eva_Tresor

© Трезор Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Другой мир	5
Глава 2. Путь в крепость.	7
Глава 2.1. Чудовище.	9
Глава 3. Прибытие в крепость Вэйлетар.	12
Глава 3.1. Кор'Рэн.	14
Глава 4. Созыв Верховного Совета Элд'Наар.	18
Глава 4.1. Начало. Верховный Совет.	20
Глава 4.2. Ксаар'Денрил.	23
Глава 4.3. История Кхарримов.	25
Глава 5. Свидание.	27
Глава 6. Лучше бы не видела.	32
Глава 7. Мор'Кай. Коварный план.	36
Глава 8. Аэрес. Разлом.	39
Глава 9. Мейв. Приезжий балаган.	43
Глава 10. Мейв. Первая смерть.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1. Другой мир

Я умерла в дождливом городе.

По крайней мере, должна была...

Но вместо больничной палаты или тёмной пустоты я вдохнула запах крови.

И кто-то в темноте прошептал моё имя.

А потом я открыла глаза.

И увидела войну.

Звук. Рёв. Металл. Вой.

Ощущение, словно тысячи голосов одновременно кричат, а меня выкидывает само пространство.

Я пытаюсь вдохнуть — и падаю куда-то из света на твёрдую сухую землю.

Глаза видят не мир, а кошмар в ярких красках.

Небо цвета расплавленного металла, под ногами — глина, пропитанная тёмным. Передо мной — настоящая битва. Варварская. Нереальная.

Существа, похожие на людей, но не люди. Рога. Чёрные крылья. Татуировки, светящиеся под кожей. Высокий рост.

— Что это? — сиплю сама себе, отодвигаясь подальше от тела одного из существ. Светловолосого. Должно быть, он мёртв?

Никто не слышит. Они заняты тем, чтобы уничтожить друг друга, а я сижу на коленях, в страхе прижимая руки к груди.

Земля дрожит. Дыхание, словно не моё. Оно сжимает грудную клетку и в то же время зовёт меня подняться. Глаза невольно скользят к полю боя, к хаосу, который разворачивается вокруг.

Поворачиваюсь и вижу, что передо мной возвышается высокая, мускулистая фигура.

Смуглая кожа, длинные и черные волосы беспорядочно разбросаны. На лице неопишемая ярость, а в глазах — жестокость.

Он, не раздумывая, замахивается мечом, светящимся красным по кромке.

Я не успеваю даже закричать, открыв рот.

Лязг.

Кто-то появляется рядом так быстро... Светловолосый. Тот, чьё тело лежало у моих ног.... Такой же высокий. Такие же пронзительные глаза, но слишком яркие и живые.

Он перехватывает удар. Клинки сходятся с таким звуком, будто трескается сама земля, вынуждая меня зажмуриться.

Чёрный демон рычит нечеловеческим голосом! Светлый отвечает таким же звериным звуком.

Они расправляют крылья и продолжают противостояние в воздухе!

Светлый наклоняет голову, оценивая расстояние, а чёрный взмахивает мечом с невероятной силой.

Светлый вновь бросает взгляд в мою сторону и, пропуская подлый удар чёрного, с грохотом падает на выжженную землю, вынуждая меня вскрикнуть от ужаса.

Чёрный приземляется почти рядом, но больше не атакует собрата, также внимательно изучая меня.

В их столкновении возникает мгновение тишины. Они шокированы моим присутствием, но я ощущаю странную связь между нами. Оба почти одновременно произносят одно и то же, а я понимаю смысл, словно фразу в разуме кто-то перевёл специально.

«Rha'tessai vior'na Hardere!»

«Она появилась на месте Разлома.»

И оба смотрят на меня так, словно я — причина их войны.
Брюнет произносит короткое, резкое слово на своём языке.
Светловолосый отвечает и кивает.
Гортанные звуки, от которых холод пробирается под кожу.
Я не думаю.
Легко понимаю их... Слова складываются в разуме сами собой.
— Вы ошибаетесь, — произношу.
И только потом осознаю, на каком языке прозвучала моя речь.
Тишина. Тревожная.
Светловолосый медленно поворачивает ко мне голову.
Тёмный делает шаг вперёд.
— Она говорит, — произносит он.
— И понимает, — добавляет светлый.
В их взглядах больше нет удивления.
— Забрать её.

Глава 2. Путь в крепость.

Чья-то рука резко хватается меня за запястье.

Я вздрагиваю — слишком горячая и сильная! Меня буквально поднимают с земли без особых усилий, и мир снова начинает двигаться.

Татуировка на запястье демона вспыхивает ярким сине-золотом светом, как только он касается моей руки. И в ту же секунду боль пронзает грудь.

Нечто чужое внутри отвечает хаотичной пульсацией.

Не сердце.

Глубже.

Взоры всех существ прикованы только ко мне. Воины внимательно следят за своими предводителями, чьи клинки опущены в вынужденном перемирии.

Два демона внезапно начинают ругаться. Светловолосого зовут А`эрес, а второй приходится ему братом, и имя его такое же черное, как и нестандартная внешность — Мор`Кай.

— Она появилась, когда исчез отец, — холодно произносит Аэрес. Его пальцы сильнее сжимаются на моём запястье, а татуировка вспыхивает с новой силой, пульсируя, распространяя тонкие линии почти по всей мощной руке.

Их отец?

— Ты хочешь сказать, что веришь в совпадения? — скалится Мор`Кай. — Она появилась на месте Разлома.

Что за разлом?!

Клиники снова поднимаются. Демоны вокруг рычат, готовые немедленно продолжить бой. Перемирие длится всего минуту. Слишком опасную.

Светловолосый держит меня так, будто я добыча. Или трофей, но не сводит яростный взгляд с брата.

— Отпусти её, — рычит второй.

Морр`Кай.

Непонятные сначала слова изменяются и превращаются в проклятия, оскорбления и угрозы. Аэрес всё ещё крепко удерживает, подчиняя своей воле. Он раздувает ноздри, как хищник, пытаюсь запомнить мой запах.

От такого внимания внутри вспыхивает странная энергия — тепло, жар. Ничего подобного я раньше не испытывала. Энергия словно откликается на его присутствие.

— Я... не пойду с вами. Пожалуйста, не трогайте меня! — отчаянно кричу, пытаюсь вырваться из хватки. И тут же наблюдаю его реакцию. Глаза широко распахнуты, губы приоткрыты. Он тоже разобрал мою речь без перевода.

— Убить её слишком просто. Я забираю её в Дракмор, — Мор`Кай медленно приближается.

— Ещё один шаг и ты больше не вздохнёшь...

Мор`Кай не доволен ни тем, что я понимаю смысл разговора, ни тем, что Аэрес проявляет ко мне внимание. Он зло ухмыляется, не уступая брату. Поднимает меч, готовый дать отпор.

Аэрес отпускает меня. Всё его внимание сейчас приковано к остывшей отметке странной формы, лучи которой постепенно исчезают с его руки.

— Мне страшно...

— Что она сказала? — гремит Мор`Кай. — Как она вошла в твою голову?

— Мы узнаем правду, собрав Верховный Совет в моей крепости.

— В Вэйлетаре для меня небезопасно! — Мор`Кай со всей скопившейся яростью бьёт по огромному камню. Скрежет демонических когтей вынуждает зажмуриться. Он презрительно смотрит на брата, горделиво задрал подбородок.

— Чужеземка — наш шанс узнать, что произошло, — рычит в ответ Аэрес. — А ты хотел разругать её пополам, недалёковидный глупец!

— Не смей называть меня глупцом, Аэрес! Не забывай, что ты всё ещё мой младший брат.

— Пожалуйста, прошу... — внезапно вмешиваюсь я. Хочу, чтобы этот кошмар закончился, и я снова оказалась в своей машине! Но меня совсем не замечают...

— Перемирие до следующей Песчаной бури, — недовольно произносит Аэрес.

— Перемирие, — повторяет Мор'Кай, не сводя с меня черных глаз, обрамленных тонкими золотыми нитями, которые тянутся по щекам, словно какой-то извращенный художник искусно ему их нарисовал.

Мор'Каю не нравится происходящее. Его руки сжимаются в кулаки, каждый мускул напряжён. Он готов мгновенно разорвать этот странный союз, который ещё никто не осознаёт до конца.

Аэрес резко отступает от меня, поднимая меч вверх. Лезвие вспыхивает неземным, глубоким светом, словно темная сталь выпивает остатки энергии из самого воздуха. На этот сигнал из дыма вырывается крылатое создание. Огромный зверь с кожистыми полупрозрачными крыльями, напоминающими крылья летучей мыши.

Его тело покрыто гладкими пластинами, как живым металлом. Жёлтые, без зрачков глаза не видят во мне опасность. Создание бьёт воздух перепончатыми крыльями, вызывая такой порыв ветра, что меня чуть ли не сносит назад от неожиданности.

Аэрес ловко забирается в седло. Он, не оборачиваясь, выкрикивает что-то резкое, звучное на своём языке. Я угадываю общий смысл. Слова послушно сами складываются внутри меня в фразы:

— Ринхар! Мы возвращаемся в крепость. Если она сбежит — ты умрёшь первым.

Глава 2.1. Чудовище.

Демон по имени Ринхар появляется рядом почти мгновенно. Высокий, широкоплечий, с кожей багряного цвета и резким хищным профилем. Но вместо одной ноги у него неровный обрубок кости, что вынуждает его хромать. Он заграбастывает меня, как добычу, без малейшего сомнения. Я просто никчёмный предмет для них. Боль от его хватки вспыхивает до локтя, и я вздрагиваю, пытаюсь вырваться.

— Пожалуйста, отпустите! — кричу, но мой голос теряется в грохоте крыльев и далёких рёвах.

Ринхар даже не смотрит на меня. Его внимание приковано к чему-то позади. Я поворачиваюсь — и дыхание срывается.

К нам приближается чудовище.

Огромное, как трёхэтажный дом, опирающееся на три неуклюжие лапы. Его серо-зелёная, морщинистая, поросшая редкими иглами кожа нелепо вздрагивает. Но самое ужасное — его живот. Он... распорот. Оттянутые в стороны, словно створки, мясистые лепестки брюшной полости дрожат при каждом шаге. Внутри — полумрак и влажные тени. Он должен быть мёртв. Но он живёт и двигается. Послушно приближается.

У меня темнеет в глазах. Мир покачивается.

— Нет... нет, нет... — шепчу, чувствуя, как паника расползается по телу.

Ринхар резко дёргает меня, заставляя подняться.

— Пошла, — рычит он, и я снова понимаю, но совсем не хочу понимать!

Он открывает створку, словно дверь, и больно толкает меня внутрь. Я падаю на влажный пол, скользя в зловещей липкой жидкости. Внутри намного темнее, чем снаружи. Тишина давит на уши. Только слабое биение эхом отдаётся вокруг ... сердце монстра?

Когда глаза привыкают к полумраку, я замечаю, что я здесь — не одна.

Вдоль внутренних стен сидят... демоны. Такие же, как сражавшиеся там, снаружи, но слабее, истощенные. Их кожа тусклая, а выцветшие, будто лишённые искры, глаза не сразу поднимаются на меня. Они боятся. Усталые и настороженные рабы. Один отворачивается и прячет лицо. Другой всматривается, будто пытается понять, что я за существо.

Я прижимаюсь к внутренней стенке, едва сдерживая рвотные позывы и слёзы. Воздух влажный и пропитан запахом крови и чем-то ещё похуже. Кажется, я не выдержу этого.

Ринхар захлопывает решетчатую дверь с тяжёлым влажным звуком, и тьма становится плотнее.

Хватаю воздух ртом, словно рыба на суше.

— Это... это сон... это какой-то кошмар...

Но я чувствую движение. Тварь идёт. И нас вместе с ней мотает из стороны в сторону.

Закрываю глаза и забиваюсь подальше от остальных, судорожно пытаюсь вспомнить, что же произошло тогда.

Всё началось в обычный дождливый вечер...

Я стою у стеклянных дверей автосалона и понимаю, что не чувствую ничего — ни радости, ни облегчения, ни даже элементарной злости. Пока коллеги суетятся вокруг, кто-то шутит, кто-то собирает бумаги, кто-то делит клиентов, я лишь слабо улыбаюсь в ответ. Всё решено.

— Ну, давай... не пропадай. Желаю тебе всего хорошего, — говорит Агнесс, устало снимая очки и потирая переносицу. Она знает, что я ухожу не по своей воле.

План продаж вырос так, что его невозможно выполнить физически. А руководство считает, если я не тяну, то лучше искать более подходящее место.

— Конечно. И тебе удачи, Агнесс, — отвечаю, не раздумывая. Знаю, что вероятнее всего мы больше никогда не увидимся.

Натягиваю капюшон куртки и выхожу под ливень.

Моя «Chery Amulet» стоит у самого края парковки и выглядит так, будто из последних сил держится за жизнь. Тороплюсь к машине, прижимая сумку к груди, и промокаю уже на пятом шаге.

Облегчённо выдыхаю и вставляю ключ в зажигание.

Машина чихает, кашляет и умирает.

— Ну пожалуйста, — прошу её, будто живое существо. — Только сегодня. Давай, родная... ну пожалуйста...

И только с четвёртой попытки «Amulet» дёргается и всё-таки заводится, будто уступает мне из жалости.

Трогаюсь с места.

Сын ждёт меня в детском саду. Как обычно, я опаздываю — пробки, работа, дождь. Вечная круговерть. Только сегодня внутри меня особенно ноет чувство, что я не успеваю не только по времени, но и по жизни.

Телефон вибрирует. Мамин номер. Включаю громкую связь.

— Мейв? Мейв, купи мне, пожалуйста, таблетки... эти... обезболивающие. Те, что доктор говорил.

Её голос тихий, ослабленный. Она всё ещё в больнице после операции.

— Хорошо, мам. Сейчас заберу из сада Ричи и сразу заеду.

— Только не забудь... мне к вечеру нужно... Врач сказал...

Связь обрывается. Дотрагиваюсь большим пальцем до дисплея — мерцает. Наверное, влага попала под корпус.

Пробка. Отлично. Просто отлично!

Стискиваю руль сильнее.

Впереди красная полоса стоп-сигналов. Дорога встала намертво.

Зажимаю переносицу пальцами, предпринимая попытку сосредоточиться. Только бы выбраться отсюда...

Удача на моей стороне, и я заворачиваю на тот участок дороги, где машин совсем нет, набираю скорость. Мечтаю добраться поскорее.

И в этот момент всё происходит одновременно.

Поток дождя размывает дорогу, толком ничего не разглядеть. Я моргаю — и вижу перед собой нечто необъяснимое.

Чёрное, массивное и нереально большое. Не машина и не столб, будто кусок ночи, вырезанный и поставленный среди дороги.

Даже не успеваю выдохнуть.

УДАР.

Меня бросает вперёд. Подушка безопасности не срабатывает. Лбом врезаюсь в руль, в ушах звенит. Мир становится белым, а потом чернеет, плавно уходя куда-то вниз, как занавес в театре.

Кажется, будто ткань мира рвётся, и меня затягивает в шов.

Пальцы теряют твердое основание руля.

Мелькают всполохи синего, золотого, чёрного, словно огонь и тени, смешанные вместе.

Затем я очнулась там, где смерть выглядела совсем иначе. Клянусь, она даже имела запах...

В тот момент, когда я едва ли не проваливаюсь в обморок от ужаса и осознания того, что я больше не в своём мире, сквозь щели между створками я замечаю Аэреса.

Он раскрепощённо сидит в седле, а крылатое чудовище под ним уже готовится взмыть в воздух. Но он задерживается. На незначительное мгновение.

И смотрит прямо на меня.

Задумчивый. Он ищет ответы также, как и я.

Секунда — и Аэрес отворачивается, ударяя шпорами в бока зверя. Тот поднимается, крылья разрезают воздух, и они исчезают в дымно-кровавом небе.

Сжимаю в кулаке медальон с фотографией ребёнка. Единственное, что еще сохраняет связь с моим миром.

Не знаю, куда меня везут и зачем.

А я всего лишь хочу прижать к сердцу своего сына...

Глава 3. Прибытие в крепость Вэйлетар.

Запах внутри чудовища становится густым, липким, как туман, который можно потрогать руками. Он пропитывает кожу, волосы и лёгкие. Я уже не пытаюсь скрыть кашель. Каждый вдох даётся тяжело.

Пленники сидят молча, сгрудившись, уткнувшись лбами в колени, и только влажное поскрипывание стен чрева напоминает, что я не схожу с ума — оно и правда живое.

Но когда чудовище меняет направление, его рваные створки расходятся, и в щель прорывается резкий, красноватый свет. Я вскидываю голову. И вижу невероятное.

Вэйлетар.

Морр'Кай так назвал крепость Аэреса.

Сначала я думаю, что это слишком нереальная и огромная иллюзия. Но затем мы поднимаемся по склону. Из разрыва плоти чудовища у меня есть возможность рассмотреть детали. Крепость будто вырастает прямо из чёрного пепла пустоши.

Стены, сложенные из чёрно-красного камня, выглядят так, будто внутри них всё ещё тлеет огонь. Массивные башни уходят в небо под багряно-золотые облака, и каждая из них венчается шпилем, похожим на обугленный коготь. По поверхности камня пробегают тусклые алые линии, пульсирующие в собственном ритме.

Сердце у меня проваливается куда-то вниз. Я не понимаю, что сильнее — страх или какой-то извращенный восторг. Сооружение выглядит угрожающе, но в суровой красоте есть что-то пугающе притягательное.

Над внешними стенами движутся высокие, крылатые фигуры. На расстоянии я различаю чёрные крылья, тёмные доспехи и металлический блеск оружия. Они патрулируют стены. Это воины. И, наверняка, каждый стоит целой армии.

Один из них снижает высоту и, на мгновение пролетая ближе, поворачивает голову в нашу сторону. Его лицо скрыто наполовину, но я успеваю разглядеть горящие, нереально яркие глаза. Кажется, что он смотрит прямо на меня, в самую глубину души, вызывая оцепенение. Я невольно вжимаюсь в склизкую мягкую стенку.

Чудовище рычит, его рёбра дрожат. Я боюсь, что оно вновь вытолкнет наружу струю тухлого воздуха, и меня накроет волной смрада. Единственное, чего я сейчас хочу — вдохнуть хоть раз этот сухой, раскалённый ветер пустоши. Там хотя бы нет вони разлагающейся плоти.

Пленники рядом вздрагивают, когда чудовище останавливается перед тяжелыми, покрытыми переплетающимися символами, воротами Вэйлетара. Эти знаки я уже видела мельком на поле боя — такие же рваные, агрессивные, будто царапины когтей по камню.

Ворота начинают открываться с низким, тянущимся звуком. Изнутри валит плотный, обволакивающий жар.

Чудовище делает шаг вперёд, и меня снова бросает в темноту чрева.

Кажется, я влипла или провалилась в кому, а это лишь мой страшный сон. И лучше будет второе.

Примерно через полчаса неповоротливый монстр наконец проходит на территорию крепости, позволяя немного осмотреться, что происходит вокруг.

Когда створки чудовища раздвигаются, лицо обдаёт жаром и сухим воздухом так резко, что я на секунду теряю дыхание. Свет режет глаза. И впервые за всё это время я жадно вдыхаю. Пусть этот воздух обжигает горло, но он настоящий и не пахнет смертью.

Прежде чем увидеть, я слышу глухое постукивание. Это же... Он?

Ринхар.

Имя запомнилось только потому, что он сам рывкнул его несколько раз, будто всем нам нужно знать, кто здесь второй хозяин. Ринхар хватает первого пленника за плечо и выдёргивает его наружу так грубо, что тот едва не падает. Затем — следующего.

Железные пальцы сжимаются на моём предплечье. Боль вспыхивает мгновенно. Я зажмуриваюсь, пытаюсь перетерпеть, выдавая лишь жалкий скулеж, но он даже не смотрит в мою сторону — бросает меня на землю, чтобы я поднялась сама.

Красноватое солнце выжигает мёртвую равнину пустоши. Остальные пленники выстраиваются, будто уже знают правила. Я — нет.

И тут один из демонов-пленников, тот, который сидел рядом со мной, резко делает рывок в сторону. Он отчаянно бежит, стараясь быстрее скрыться, но негде! Его сопротивление длится ровно несколько секунд.

Два стража, стоящие у ворот, реагируют почти одновременно. Один взмывает в воздух, как сорвавшийся с цепи зверь. Второй бросается на беглеца с земли и в скорости не уступает своему напарнику. Я не успеваю даже моргнуть.

Тело беглеца подбрасывает в воздух ударом, настолько сильным, что я слышу хруст костей на расстоянии. Второй страж ловит его уже в полёте и... разрывает. Так просто...

Кровь раба дождем льется на землю, покрытую черным пеплом. Демоны дружно смеются, разделяя эту жесточайшую резню.

Меня выворачивает наизнанку, и я падаю на колени. Обхватываю себя руками, пытаюсь хоть как-то удержать остатки сознания, но мир перед глазами плывёт.

— Встать, — слышу приказ за спиной.

Я просто хочу исчезнуть, провалиться сквозь землю, пропасть в другом измерении, только не тут!

Ринхар стоит рядом. И он недоволен.

Не двигаюсь. Тогда он толкает меня сильнее. Не просто рукой, а крылом и выходит это настолько брезгливо, будто я прокажённая. Перепончатое, тёмное крыло резко ударяет меня в бок и поднимает с земли, подцепив когтем-крюком, как невольную куклу.

Я вскрикиваю, едва удерживаясь на ногах.

— Иди!

И снова я слышу вместо звериного рычания смысл, который сталкивает меня лицом с жуткой реальностью.

Пленников гонят вперёд. Когда я оглядываюсь, стражи уже собирают останки беглеца в большой чан, как будто это всего лишь мусор. Для них не произошло ничего необычного. Но не для меня.

Сглатываю, чувствуя вкус крови от прикушенной губе.

Этот мир не оставляет шансов и не прощает слабых.

А я — слабая.

Стражники сменяются так быстро, будто их раздражает даже сам факт нашего существования. Ринхар бросает короткий приказ, и меня вместе с остальными передают в руки другой группы демонов — ещё более мрачных и тяжёлых, чем те, что охраняли клетку-чудище.

Мы поднимаемся всё выше по бесконечной винтовой лестнице, вьющейся вдоль стены крепости Вэйлетар. Я уже ощутимо вымоталась. Камень под босыми ступнями горячий, обжигает, ведь свои туфли я давно потеряла. Чем выше мы поднимаемся, тем суше и жестче становится воздух, вынуждая вдыхать раскалённый песок.

Когда стражи наконец вталкивают нас наверх, я мгновенно понимаю, что ошибалась, думая, будто внизу было невыносимо. Здесь... хуже.

Глава 3.1. Кор'Рэн.

Над головой нет крыши. Только обведённый камнем круг и безжалостное солнце, бьющее прямо в лицо. С этой высоты пепельные мёртвые пустоши тянутся до самого горизонта. Жар такой, словно мир пытается испепелить меня изнутри.

Я делаю вдох — и понимаю, что нормального вдоха здесь не бывает. Лёгкие берут столько воздуха, сколько могут, как будто само пространство выжато до последней капли прохлады.

Пленников гонят к стенам, и я инстинктивно ищу тень, которая падает от каменной кладки. Её совсем мало, но она есть. Я вдавливаюсь в неё, прижимаясь плечом.

К моему удивлению, рядом тоже кто-то прячется. Демон-раб — тот, что сидел недалеко в чреве чудовища. Его рог обломан почти под корень, оставлен острый, неровный выступ.

Я заметила, что у этих демонов обрезаны крылья... Им не спастись. Раб бросает на меня изучающий, но не враждебный взгляд. Скорее... настороженный, как будто он пытается понять, что я такое: зверь, угроза или ошибка мироздания.

Несколько минут я даже не замечаю, что невольно прижимаюсь ближе, скрываясь в той крошечной полосе тени, которую мы делим. Только когда он чуть сдвигается, давая мне место, я осознаю, как близко мы стоим. Он просто молчит и обреченно смотрит на других таких же.

Солнце ползёт выше. Оно жжёт кожу даже через тень. Я скидываю офисный пиджак и обмахиваюсь им. Даже не хочу представлять, что будет завтра, когда Солнце окажется в зените.

К вечеру внезапно возвращаются стражи. Открывают тяжёлую решётку на краю площадки и заносят огромный железный чан. Внутри что-то плещется. Вода? Не может быть...

Лишь когда стражи отступают, я понимаю, что это действительно вода. Но не обычная. Она мутная, темноватая, густая, как будто в неё подмешали пепел и загуститель. Пленники рвутся к ней сразу, будто это не жидкость, а сама жизнь.

А я... я не двигаюсь. Не решаюсь. Пока остальные дерутся локтями и клыками, погружая руки в вязкую жидкость, я смотрю, как драгоценная влага исчезает на глазах.

Глоток. Ещё один. Чан стремительно пустеет.

У меня пересохло горло и треснули губы. Кажется, я скоро потеряю сознание — и всё равно... боюсь сунуться туда.

— *Это Кхай'нола*, — тихо раздаётся рядом.

Вздрагиваю. Обломанный рог. Демон, что стоял со мной в тени, смотрит прямо на меня странно тусклыми, неяркими глазами.

— *Ты должна пить*.

С грустью разбираю, что он сказал. Интонацию. Тревогу.

Язык его расы грубый, резкий, как шорох сдвигаемого камня. Но смысл приходит сам собой.

— *Ещё долго не принесут*.

Кхай'нола. Так здесь называют воду? Слово звучит глухо и почти зловеще, будто само по себе напоминает о жажде.

Разглядываю его лицо, затем переключаюсь на почти пустой чан, на пленников, скулящих от отчаяния.

И мне становится не по себе. Но ещё больше я боюсь медленно и тихо умереть здесь никому не нужной. Чужеземкой, которую этот мир даже не заметит.

Делаю шаг вперёд, несмотря на дрожь в коленях. Демон с обломанным рогом почти незаметно кивает. И на секунду мне кажется, что в этом жесте больше человечности, чем я видела за весь день.

Протягиваю руки к самому дну чана, пытаюсь успеть за мгновение до того, как последняя капля Кхай'нолы исчезнет во рту другого отчаявшегося пленника.

И надеюсь, что эта вода или то, что ею является, не убьёт меня быстрее, чем жара.

Осторожно прикасаюсь губами к своим ладоням. Жидкость тягучая, будто в неё подмешали пыль и горячий металл. На языке остаётся терпкое послевкусие камня, раскалённого солнцем. Но горло тут же сжимается от облегчения, когда первая порция влаги попадает внутрь. Я делаю второй маленький глоток и ожидаю, что меня оттолкнут в сторону.

Но никто не толкает.

Демон с обломанным рогом стоит рядом, наблюдая за мной. Мышца шеи под его насыщенно-серой, с черными прожилками кожей, непроизвольно подрагивает. Он склоняет голову, будто ободряя, и тихо произносит что-то на своём языке:

— *Марр-касса... пиз. Дрих'т нэ лор'х.*

"Теперь у тебя хотя бы будет шанс", — он говорит мягче, чем другие. Почти спокойно.

— Спасибо... — выдыхаю я, осознавая, что он меня не поймёт.

Демон легко, почти по-детски, улыбается, несмотря на страшную внешность. Обломанный рог делает его ещё более уязвимым, будто половина прежнего величия была срезана жестокой рукой.

Он продолжает говорить, и слова обретают смысл прямо в моей голове:

— *Вода владыки — другая. Чистая. Холодная. Мы такую видели... когда ещё были свободны. Она принадлежала всем. Раньше всё было другое...*

Раб на мгновение зажимается, вспоминая что-то далёкое и невозможное.

Странно, но этого хватает, чтобы сделать ещё один глоток раскалённой воды и не поддаться отчаянию.

Я пытаюсь повторить несколько его слов, но они распадаются на звуки, которые мой язык не может сложить. Пленник смотрит на меня с лёгким любопытством, словно я — странное маленькое существо, которое пытается говорить, но издаёт совсем никчемный писк.

— Где я? Как называется... этот мир? — решаю попробовать спросить хоть что-нибудь.

Он не понимает, разумеется. Я вижу это по тому, как он моргает, наклоняя голову. Но всё же демон начинает длинно и тягуче говорить.

— *Ксир-Арх. Земля Кхарримов. Мир пепла.*

Смысл приходит рывками, будто кто-то шепчет мне перевод прямо в кровь: Кхарримы... мир пепла...

Он облизывает сухие губы, затем добавляет:

— *Малит... нэ т'хар.*

Указывает на меня, затем на крепость, на охранников, на пустошь под нами.

И я вдруг понимаю общий смысл: "Тебе здесь не выжить".

— Это ты точно подметил, — выдыхаю в ответ, обреченно разглядывая свой темно-синий офисный костюм, который под слоем черной пыли и грязи выглядит ужасно. А ведь я за него отвалила хорошие деньги, чтобы в офисе меня сочли серьезной. Какая теперь разница? Я оказалась непонятно где и непонятно по какой причине.

Кхаррим снова улыбается. На этот раз грустно.

— *Имя... Кор'Рэн.*

— Кор'Рэн? — пытаюсь не исказить звучание.

Его глаза вспыхивают удивлением. Он кивает.

Я делаю шаг ближе, хотя не уверена, почему. Может, потому что этот несчастный — единственный, кому я сейчас доверяю.

— Мейв, — я показываю на себя ладонью. — Ме-й-в.

— *Мей-в* — повторяет Кор'Рэн, звук падает хрипло, но он старается.

Над башней проходит тяжёлый горячий ветер, песок хрустит под ногами. Пленники всё ещё ходят вокруг чана, словно ожидают, что вода там появится сама собой. Солнце медленно опускается за горизонт, предвещая скорое наступление ночи.

Я стараюсь дышать медленно, хотя воздух, несмотря на вечер, также обжигает ноздри, сушит горло, и каждая попытка вдохнуть превращается в борьбу. Кор'Рэн сидит рядом, прильнув к каменной стене.

— Что... происхо-дит? — я стараюсь говорить медленно и чётко. — Здесь.

Пальцами рисую в воздухе что-то вроде вопросительного жеста, отчего-то надеюсь, что Кор'Рэн поймёт.

— Почему... всё так?

Он чуть приподнимает бровь.

Я кладу ладонь на грудь, делаю широкий круг рукой, показывая на пепельное небо, стены крепости, на демонов-стражей на краю башни.

— *Ксар... ар?* — пробую повторить то единственное слово, которое слышала от других пленников.

Он морщит лоб, и только спустя мгновение понимаю — я исказила звучание.

— *Ксир-Арх*, — отчетливо и медленно произносит Кор'Рэн.

Я повторяю и невольно сосредотачиваюсь на шелесте крыльев и тяжёлых шагах стражей, осторожно поглядываю в их сторону. Надеюсь, что это не запрещено...

Он кивает. Улыбается — впервые открыто. И этот жест делает его похожим на живое существо, а не на демона из кошмара.

— *Ты спрашиваешь... почему так?* — произносит он.

Киваю, стараюсь, чтобы Кор'Рэн увидел в моих глазах: мне важно.

Он проводит рукой по горячей каменной кладке, раздумывая, с чего начать.

— *Отец братьев... Вэлкаррион Вальхэрн.* — Он смотрит на меня, словно проверяя, ощущаю ли я силу его слов.

Имя вибрацией звенит внутри меня под самой кожей. Я едва не вздрагиваю, вслушиваясь в каждое его слово.

— *Здесь были Врата*, — продолжает Кор'Рэн и медленно рисует пальцем в воздухе линию. — *Древние. Их разрушили. Кто-то остался за вратами, в других мирах. Семьи были потеряны. Осколок врат — Печать. Она сдерживает мир от уничтожения.*

Кор'Рэн поднимает взгляд к рассечённому солнцем небу.

— Печать? — сама себе повторяю, потирая подбородок.

— *Вэлкаррион хранит её. Он — Хранитель Печати.*

Сердце сжимается.

Единственное, что я понимаю — существование какого-то ключа, этой Печати. При чем здесь я?!

Кор'Рэн устало опускает затылок на стену.

— *Говорят, Печать стала нестабильной. Уже давно. Роду Вальхэрн теперь сложнее её сдерживать.*

Кор'Рэн встаёт и смотрит вниз, туда, где стражники занимаются своими делами.

— *Никто из братьев не отступит. Всем нужна власть*, — зло ухмыляется он. — *На Ксир-Архе это самое важное.*

Я дотрагиваюсь до крепких цепей на его запястьях.

— *Я из другого рода*, — он стыдливо опускает взгляд. — *Мои предки сражались за свободу, они шли против рода Вальхэрн, потому что наши потомки должны быть свободны. Вопреки всему. И однажды, они будут свободны, Мейв.*

Замираю, холодный пот стекает по позвоночнику. Я не поняла ничего из его рассказа. Звучит, как адский бред демона в Преисподней... Наверное, так и есть.

— *Ты не выживешь здесь. И не убежишь*, — предрек он моё печальное будущее, которого я итак боюсь до дрожи в коленях. — *Но я рад, что с тобой можно поговорить, хоть и не понимаю тебя, Мейв.*

Глоток воздуха сжимается в груди, рот горчит от солёного металлического привкуса воды.

Наше общение внезапно прерывает резкий скрип створок...

Глава 4. Созыв Верховного Совета Элд'Наар.

Дверь в башню распахивается так резко, что, кажется, стены вздрагивают. Мягкий свет от факелов обрушивается внутрь, и я на мгновение прикрываю глаза.

Глухой лязг металла и тяжёлые шаги тревожат пленников. Двое стражей заходят внутрь, широкими плечами заслоняя проход. Их взгляды скользят по толпе пленников, как по стаду.

— Кхар'ду! — рывкает один из них.

«Ищите!» — слова мгновенно обретают смысл в моем сознании.

И они начинают грубо двигаться среди испуганных рабов. Пленников толкают, бьют, если кто-то мешает. Я прижимаюсь к стене, но это не спасает: демоны вокруг меня падают вниз в знак повиновения, закрывая головы.

У меня дрожат колени.

Что они ищут?

Кого?

Один из стражей резко останавливается. Его взгляд цепляется за меня, и мне кажется, будто вокруг мгновенно становится холоднее. Он делает шаг. Потом ещё один. А затем его огромная вся в шрамах рука хватается меня выше локтя и рывком вытягивает вперёд.

— Нет! — вырывается у меня, но голос звучит слишком тонко.

Кор'Рэн поднимается с места так, будто его укололи.

— Раш'та! — выкрикивает он, кидаясь к нам.

«Отпустите» — сразу же понимаю я.

Он хватается стража за запястье, пытаюсь остановить. Успеваю разглядеть вспышку отчаяния в полных какой-то почти человеческой смелости, глазах.

И это мгновение ломается, когда второй страж подступает сбоку и бьёт Кор'Рэна рукоятью копья в грудь. Удар такой силы, что он падает на бок, теряя дыхание, но вопреки всему пытается подняться — и получает ещё один удар по лицу.

Я кричу, дёргаюсь, но меня уже тянут к выходу.

— Оставьте его! — хриплю. — Он же... он же не сделал...

Но им плевать.

Кор'Рэн снова пытается подняться, но страж давит сапогом ему на плечо, вынуждая сильнее прижаться к холодному камню.

И в этот момент во мне поднимается горячая, отчаянная боль.

Я ведь даже не знаю его. Он мне никто.

Но как он за меня бросился — без раздумий, без страха.

И как смотрел... будто я что-то значу.

Мне становится невыносимо страшно за участь раба. Одновременно — стыдно, что меня уводят, а Кор'Рэн остаётся лежать там, в пыли, израненный... И всё из-за меня.

Страж снова тянет меня к длинной лестнице! Башня вместе с пленниками исчезает позади. Кажется, я больше туда никогда не вернусь. Но лучше остаться с пленниками, чем в неизвестности.

Меня ведут через длинный коридор, и воздух тут — не раскалённый, а сухой, насыщенный дымом. С каждым шагом сердце стучит быстрее.

Когда страж толкает меня в огромный проём, я ахаю от неожиданности.

Передо мной — круглый зал, как демонический Колизей. Высокие тёмные стены из чёрно-красного камня образуют гигантскую чашу, узкие арки высечены в несколько ярусов. Над каждым — выбитые в камне символы, похожие на когти. По кругу возвышаются семь огромных колонн, удерживающих потолок, прорезанный большим круглым отверстием. Через

него в зал льётся холодный блеск звёзд, смешиваясь с желтоватыми отсветами факелов и канделябров.

Я стою внизу, в самом сердце этой каменной арены.

С двух сторон, на высоких троноподобных сиденьях, расположились братья.

Мрачный, сосредоточенный Аэрес и хищный, золотоглазый Мор'Кай, не скрывающий ироничной улыбки. Он оглядывает присутствующих, словно они лишь шуты ему на потеху.

Чуть дальше видны ещё трое огромных, уродливых существ, чьи силуэты даже трудно назвать демоническими. Они превосходят рост стражей вдвое, а мощные рога изгибаются в форме спиралей. Каждый окружён собственной охраной.

И все смотрят вниз.

На меня.

Горло пересыхает. Я делаю шаг назад, но страж за моей спиной толкает меня вперёд так резко, что я едва удерживаюсь на ногах.

Всё происходящее кажется нереальным и опасным.

Изучающий взгляд Аэреса невыносим.

Смотрит так, словно меня и не должно быть здесь, но я и сама это понимаю. Мор'Кай, напротив, разглядывает меня с удовольствием. Наверняка в его мыслях я уже разорвана пополам.

Сглатываю и невольно чувствую зловонный теплый запах, исходящий от стража за спиной.

Мне хочется обратно в башню. К Кор'Рэну и остальным пленникам. Хоть куда-нибудь...

Но я стою здесь одна. И понимаю, что бы сейчас ни началось — выбора у меня нет.

Глава 4.1. Начало. Верховный Совет.

Вступительное слово берёт на себя Кхаррим, сидящий выше всех. Когда он поднимается, воздух тяжелеет.

Он огромен! Всем своим видом вселяет в моё сердце немыслимый ужас — настолько, что я невольно съёживаюсь. Тело воина, как цельная глыба гладкого и тяжёлого камня. На плечах — броня, литая из застывшей лавы.

Длинные рога выгнуты назад, а поверх них проходят серебристые трещины. Волосы убраны в тугой хвост, тянущийся почти до середины спины. Лицо резкое, угловатое, но в его глазах... тлеет многовековой огонь, пугающий меня куда сильнее любого оружия. Кажется, ему тысячи лет, если не больше.

— Я — Велирис Нерал, Военачальник и правая рука Хранителя Печати Калдира Ксир-Арха Вэлкарриона Вальхэрна, — гулко произносит он, и даже пол под ногами вибрирует. — Мы созвали Верховный Совет Элд'Наар, чтобы прояснить то, что случилось днём. Аэрес. Расскажи, что произошло на поле битвы.

Аэрес поднимется с места. Плечи напрягаются, будто каждое слово уже заранее причиняет ему боль.

— Что произошло? — взрывается Аэрес. — То, что войско Морр'Кая было готово бежать, бросив оружие, если бы отец просто не исчез на моих собственных глазах!

Желудок болезненно сжимается. Поднимаю руку к солнечному сплетению.

— Он не умер и не был ранен, — продолжает он. — Исчез. Растворился в воздухе. А на его месте появилось... — сын Вэлкарриона бросает на меня резкий взгляд, — это хрупкое создание.

Я инстинктивно отступаю, но не успеваю опомниться, потому что Мор'Кай вскакивает.

Ярость внезапно предаёт его стройному силуэту грубость и делает его ещё больше, выделяя мощные плечи. Глаза Морр'Кая вспыхивают красным. Он почти рычит:

— Хрупкое создание? Я мог бы перерезать глотку и тебе, брат, — он пальцем указывает на Аэреса, — и твоему новому питомцу. Уверен, что «это» появилось здесь не просто так! Шпионка или ещё что похуже! Её прислали, чтобы внести разлад в нашу семью.

— Невозможно внести в вашу семью разлад ещё больше, чем сейчас, Морр'Кай. Не помню, сколько тысячелетий вы уже пытаетесь перерезать друг другу глотки. Лишь маленькими Кхарримами вы были дружны, — гремит Велирис.

Морр'Кай рассматривает меня. И взгляд... обжигает. В нём нет сомнений. Если бы не эта формальная обстановка, он бы уже раскрасил камень моей кровью, не задумываясь.

От этих мыслей перехватывает дыхание. Пальцы холодеют. Делаю шаг назад. Но ноги ватные. Всё происходящее напоминает мне извращенный суд, где нет моего адвоката, а я — немая.

Велирис поднимает руку. Спокойное движение, без усилия. Морр'Кай замолкает, хотя ярость всё ещё кипит в его глазах.

— Эмоции не помогут вернуть Хранителя Печати, — говорит Велирис. Теперь голос не громкий, но давящий.

— Печать настабильна, — продолжает Аэрес уже тише. — Отец говорил об этом не один раз. Никто не знает, что произошло с ним. Но все видели вспышку на поле боя. Разлом открылся... впервые с момента, когда Древние Врата были уничтожены. Я почувствовал нечто необъяснимое, когда находился ближе всех к отцу. Вэлкаррион боялся, что уже не справляется. Он знал, что Печать способна не только причинить нам вред, но и уничтожить весь мир.

— Отец не боялся никогда и ничего. Это всё твои собственные страхи, брат, — язвит, ухмыляясь, Морр'Кай.

Наступает тишина, почти неестественная для них.

Велирис долго смотрит на Аэреса. Как будто оценивает его не как сына исчезнувшего правителя, а как часть какой-то большой схемы.

— Если единственный, кто мог сдерживать Печать, исчез вместе с ней... — медленно произносит он. — Тогда наш мир в серьёзной опасности.

Велирис переводит взгляд на меня. Хочется закрыться руками. Отвести глаза. Но я не могу. Кажется, взгляд Велириса прибавляет меня к полу.

— И это слабое создание из другого мира может быть точкой к поискам Вэлкарриона.

Мир вокруг меня начинает качаться. Я не могу даже объяснить, как сюда попала. Понятия не имею, что происходит, и уж точно не хочу быть ключом к спасению их отца.

Морр'Кай хмыкает громко, привлекая к себе внимание.

— Если бы отец передал Печать мне, — бросает он, — я бы легко сдержал её мощь.

Аэрес тут же вспыхивает в ответ.

— Если бы отцу не приходилось тратить силы, чтобы нас удерживать от взаимного уничтожения, Печати бы ничто не угрожало!

Между ними пробегает огненная искра. Братья бближаются друг к другу, готовые броситься в драку прямо здесь, в холодном Колизее, полном свидетелей.

Сердце пытается вырваться из груди.

Если они сейчас начнут... я окажусь между ними. Или меня разорвут одним движением, даже не раздумывая.

Но Велирис вновь поднимает руку.

— Довольно, — произносит он, и в его голосе нет ни капли эмоций. — Пока есть хотя бы шанс вернуть Вэлкарриона, вы не посмеете устраивать здесь братоубийственную борьбу!

Морр'Кай скалится, но отступает. В его движениях чувствуется ярость, с трудом удерживаемая под кожей.

— Я старший сын! И по праву рода я должен быть первым, — выкрикивает с пугающим рыком.

— Отец никогда не верил в право рода. Он верил в рассудительность и честность, но у тебя нет ни того, ни другого! — Голос Аэреса гулко разносится под куполом зала, отражаясь от каменных стен.

А я стою внизу, маленькая и дрожащая — и понимаю, что в этом мире, полном древних существ и слепого гнева, моя жизнь держится на тончайшей нити. И никто здесь не заинтересован её сохранять.

Морр'Кай делает огромный, яростный шаг. Камень дрожит под его ногами. Он кидается на Аэреса, и тот напрягается, готовый встретить удар.

Я больше не выдерживаю.

— Хватит! Перестаньте, — кричу так громко, что голос прорывается сквозь гул арены хрипом. — Я... я не выдержу этого! Я не вещь и не дверь. Я хочу домой... к своему сыну... к маме. Пожалуйста. Я хочу назад!

И всё останавливается.

Совсем.

Морр'Кай замирает в шаге от броска. Аэрес — с поднятой рукой. Демоны на трибунах, как статуи в музее ада. Даже пламя в светильниках на миг вытягивается в тонкие иглы, прислушиваясь.

А я стою посреди арены, дрожу, и щёки незаметно становятся влажными. Мне не стыдно — не здесь, не перед ними. Я просто больше не могу держать всё внутри.

Аэрес первый нарушает тишину. Медленно поворачивается ко мне.

— Я понимаю каждое её слово, — произносит он и оглядывается на Велириса. — И она понимает нас.

Азрес делает паузу, и в его глазах впервые читается настоящее любопытство.

Когда напряжение достигает такой степени, что воздух звенит, разрезая уши, за моей спиной с тяжёлым эхом раздаются размеренные, глубокие шаги.

Из полутени под сводами Колизея выходит демон, я медленно оборачиваюсь, а стоящие возле меня стражники преклоняют колени.

Я догадываюсь, что этот демон не просто кто-то из воинов. Его присутствие, как внезапно нахлынувший ветер. Не дует, а давит.

— Это и есть проявление Печати, — уверенно произносит незнакомец, вызывая недоумение на лицах всех присутствующих.

Глава 4.2. Ксаар'Денрил.

Велирис поворачивает голову на звук, и даже его чёрные, пустотные глаза становятся внимательнее.

— Ксаар'Денрил, — Аэрес выдыхает имя с глубоким почтением.

Даже Морр'Кай на мгновение умолкает, сосредоточенно наблюдая за неотвратимо приближающейся фигурой.

Он выше всех троих. Не громоздкий, как Велирис, и не гибкий, как Аэрес. Резкие линии, сухая сила, мышцы, не перекачанные, но плотные, словно внутри них живут сдержанные подрагивающие землетрясения. На коже — едва заметные трещины, и в них иногда вспыхивает слабое красное свечение.

Черты лица строгие. Глаза красные, но не яркие, а глубокие и опасные. Чёрные, длинные волосы собраны в низкий тугой хвост, словно их не трогали ножницы сотни лет.

На нём нет тяжёлых доспехов — только тёмный плащ, закрывающий плечи и спадающий до пола. Под плащом — простая, но идеально подогнанная одежда воина, без лишних украшений. Он точно не нуждается в золоте, чтобы внушать страх.

Когда он проходит мимо меня, я ощущаю запах камня, пепла и чего-то древнего. Кажется, давно умершая звезда дышит у меня над ухом.

— Ксаар'Денрил, — уважительно произносит Велирис, и в его голосе слышится признание. — Ты вовремя.

Ксаар'Денрил поднимается на верхний ярус. Останавливается между Аэресом и Морр'Каем, даже не глядя на них. Просто факт его присутствия вбивает клин между братьями, заставляя обоих отступить на полшага.

— Ваши споры слышно уже на подступах к арене, — говорит Ксаар'Денрил низким голосом. — А я думал, что вы давно выросли из того, чтобы мериться яростью друг перед другом.

Его взгляд ненадолго падает на меня.

И я мгновенно жалею, что вообще родилась.

Он смотрит не на моё тело. А старается заглянуть внутрь, под кожу, кости, даже мысли. И если у Кхарримов есть понятие о слабости... то он видит всю её во мне.

— Хрупкое существо из другого мира, — произносит он наконец. — И это существо стало причиной исчезновения Вэлкарриона, как ни странно.

Я открываю рот, чтобы хоть что-то объяснить, но Кхаррим уже поворачивается к Велирису.

— Надо выяснить, что она собой представляет. Прежде чем мир начнёт рушиться у нас под ногами.

Морр'Кай пренебрежительно рыкает, Аэрес дёргается, будто хочет встать передо мной, но Ксаар'Денрил только поднимает руку.

Не угрожающе. Не властно.

И оба мгновенно замолкают, так и не проронив ни слова.

Я впервые понимаю, что иногда сила — это не крик и не демонстрация мощи. Иногда сила — это когда достаточно шевельнуть пальцем. И мир слушается тебя.

Велирис смотрит на меня так, будто изучает древнюю рукопись, которая неожиданно ожила.

— Это... логично, — произносит он, задумчиво дотрагиваясь когтем до края своего рога. — Более логично, чем кажется на первый взгляд.

Он спускается на несколько ступеней вниз и чем ближе подходит, тем сильнее мои ноги хотят подкоситься. Но я продолжаю стоять.

— Разумеется, она не намеренно поменялась местами с вашим отцом, — Ксаар'Денрил звучит величественно, как если бы самая высокая гора обрела голос. — Как твое имя?

— Мейв, — не сразу отвечаю я, боюсь, что вынесла себе смертный приговор. Вдруг моё имя на их языке означает что-то ужасное и опасное.

— Мейв, — повторяет Ксаар'Денрил, и впервые произносит моё имя. — Ты должна понять, почему именно *ты* оказалась здесь. Почему именно ты стала связующей нитью. И у меня есть предположение на этот счёт.

Он медленно обводит взглядом всех присутствующих, собираясь рассказать что-то, что не произносилось тысячелетиями.

Глава 4.3. История Кхарримов.

— Тысячи циклов назад, — начинает Ксаар'Денрил, — наша планета, Ксир-Арх, не была одинокой.

Я не дышу.

— Наш мир был частью древней сети миров, соединённых порталами. Высшие Сущности называли Врата для перехода между планетами — Аль'Ри-Тэйн. Проводники мироздания. Через них путешествовали армии, послы, торговые караваны. Потоки первородной энергии текли между мирами, как реки между городами.

Его голос низкий, глубокий, похожий на раскаты далёкого грома.

— Но Врата были не просто переходами. Нити памяти — это способность чувствовать тех, кто проходит через Врата. *Их энергию. Их страхи. И даже желания.* Что позже унаследовал род Вальхэрн.

Он делает паузу.

— И однажды механизм мироздания дал трещину, — продолжает его слова Велирис.

В горле першит.

— Врата начали тянуть больше энергии, чем отдавали. Сначала — медленно. Потом — жадно, хищно. И вскоре возникли гуловые штормы. Разряды, исходящие от Врат, разрушали материки, схлопывали планеты в пепел. Чтобы спасти миры, Высшие разорвали ядра Врат и гуловые штормы больше не возникали, — продолжает Ксаар'Денрил.

Все присутствующие сосредоточенно слушают историю собственного мира вместе со мной. Замечаю, как они становятся серьёзными. Ко'Рэн рассказал, что многие Кхарримы остались в других мирах.

— Так появились Разломы. Не двери, а рвущиеся артерии межмирового пространства. В них нет «входа» и «выхода». Энергия течёт хаотично, искажая время, но подчиняясь лишь резонансу Печатей.

У меня по спине пробегает холод.

— Род Аэреса и Морр'Кая Вальхэрн древнее, чем многие забытые империи, понимаешь? — Велирис обращается ко мне, как к равной. — Их кровь несёт в себе Нить Памяти, созданную в эпоху Врат. Она позволяет понимать замыслы предков, слышать смысл чужой речи, управлять Разломами, используя Печать.

Аэрес и Морр'Кай молчат и не спорят.

— Когда Вэлкаррион приблизился к Разлому сегодня, чтобы закрыть, Печать внутри него дрогнула. Она почувствовала: его сил больше не хватает.

Ужасающие глаза Кхаррима скользят по моим босым ступням.

— Если ты задаешься вопросом, почему пришла именно ты. — тихо произносит он. — Печать тянется к... подходящему эмоциональному резонансу, выискивая лучшего носителя. К тому, кто может стать сильным проводником. Это забытое свойство, но Врата когда-то использовали подобное.

Мне становится тяжело дышать. Потому что я уже догадываюсь.

— В момент, когда Вэлкаррион хранил Печать, он был истощён. И Разлом искал путь меньшего сопротивления — канал, который откликнулся сильнее всего.

Он делает шаг ближе.

— Печать сработала мгновенно, выбрав твой мир. Именно он затянул Вэлкарриона и заменил тобой. Ты стала проводником. Печать нашла в тебе огромный эмоциональный резерв, который ты сама недооцениваешь.

Мои губы дрожат.

— Для древних Врат... — Велирис смотрит на меня слишком внимательно, — найдены идеальные параметры проводника.

Ксаар'Денрил кивает, соглашаясь.

— Разлом сделал то, что делают все умирающие системы: поменял местами наиболее совместимые энергетические сущности носителей, — голос Велириса Нерала становится всё громче, словно на него снизошло озарение.

Присутствующие затихают.

— Именно, — Ксаар'Денрил удовлетворенно кивает Велирису.

Я выдыхаю резко, как будто меня ударили.

— Разлом втянул Вэлкарриона. Вырвал хрупкое существо, — продолжает Ксаар'Денрил. — Переместил сюда. И в момент резонансного обмена передал Печать именно ей. Вэлкаррион передал такую мощь добровольно...

Морр'Кай недовольно хмыкает.

— Поэтому ты понимаешь нас, Мейв, — заключает Ксаар'Денрил. — Вэлкаррион передал тебе и толику своих возможностей. Ты используешь родовую особенность Вальхэрн — Нити Памяти, не унаследовав её, а удерживая через Печать.

Отступаю назад, но упираюсь спиной в доспехи стражника и мгновенно отхожу, словно обожглась.

— Это ещё не все, — Аэрес спускается вниз и подходит ко мне.

Стражники расступаются, давая ему пространство. Аэрес хватает меня и поднимает руку вверх, демонстрируя, как его татуировка на запястье излучает необычное мерцание. Кхарримы поражены. Они переглядываются. Даже Всезнающий Ксаар'Денрил, кажется, не ожидал увидеть ничего подобного.

Тишина становится почти невыносимой.

Аэрес смотрит на меня так, будто видит впервые.

Морр'Кай — как на угрозу.

А я... не знаю, кем я теперь являюсь.

Глава 5. Свидание.

— Аэрес, ты оказался ближе всех к Разлому. Подозреваю, что Печать использовала Мейв, как зеркало, отразив на тебя отголоски её мира, поэтому ты понимаешь чужую речь, — отвечает Ксаар’Денрил, не скрывая, что озадачен не меньше, чем остальные.

— То есть, вы хотите сказать, что самое опасное, что может существовать во Вселенной. То, что тысячелетиями сдерживал отец, возможно, вытолкнуло эту девчонку на Ксир-Арх?! И она носит в себе Великую Печать, удерживая наш мир от гибели? — с пренебрежением произносит Мор’Кай. Наверное, в первый раз за всё время, что я его видела, он реагирует не громким криком. — Уважаемый Верховный Совет, я ведь ничего не упустил? Я правильно это понял?

Мор’Кай усмехается, ожидая поддержку остальных Кхарримов.

— Это всего лишь моё предположение, которое опирается на нашу систему мироздания, Мор’Кай, — не обращая внимания на его тон, также спокойно отвечает Ксаар’Денрил. — Печать, заключённая в хрупком теле, реагирует на близость Аэреса. Это подтверждает всё, что я сказал. Она настолько важна, что мы не можем игнорировать этот факт.

— Взгляни на неё, Ксаар’Денрил! Это существо неспособно выжить здесь и дня!

— Тогда наша задача состоит в том, чтобы защищать её, пока мы не выясним, как вернуть Вэлкарриона обратно, — неумолимо произносит Ксаар’Денрил.

Зубы почти стучат. Кажется, что холод проникает в меня глубже, чем острые взгляды Кхарримов. Камень под ногами ледяной, как будто мир забыл, что ещё несколько часов назад Солнце нестерпимо жгло.

— Помогите мне вернуться... — голос дрожит, и я ненавижу это. Белый, хрупкий пар вырывается изо рта. Я переминаюсь с ноги на ногу. — Я сделаю всё, что вы скажете, лишь бы вернуться домой.

Тишина падает на Арену так резко, как если бы я сказала что-то непозволительное. Хотя, может, так и есть.

Успеваю только вдохнуть, когда слышу низкий, хищный рык.

Мор’Кай.

— Как смеет это... Жалкое недоразумение вмешиваться в разговор Старшей Крови?! — голос подобен удару. — Тебе позволили стоять рядом, а не открывать рот.

Он поднимается, и я боюсь пошевелиться, хотя знаю — бежать некуда.

Аэрес тоже встаёт, бросая на брата взгляд, от которого, кажется, даже камень под ногами треснул бы.

— Не кипятись, Мор’Кай, — лениво тянет он, с убийственной насмешкой. — Она просто сказала больше стоящих слов за мгновение, чем ты за последние три... четыре тысячи лет? Я сбился со счёта.

Морр’Кай замирает. Лицо каменеет.

Уверена, что он запомнит это.

Ксаар’Денрил мгновенно заставляет обоих умолкнуть:

— Она продрогла. Оденьте. Накормите. Она не пленница. Это... Могущественная Печать в теле хрупкой девушки. Проводите её в покой.

Я почти вздыхаю с облегчением, но Морр’Кай, конечно, не может уйти без очередной ядовитой реплики:

— Покой? — издевается он. — В моей крепости Дракмор Печать будет в куда большей безопасности. Раз ты так радеешь о её благе, наставник... разреши забрать Печать под своё крыло... Или под своё лезвие — как повезёт.

Вскидываю голову. Он даже не скрывает желания меня убить или это такая шутка, потому что Аэрес устало закатывает глаза, но не отвечает брату.

Ксаар'Денрил медленно поворачивается к Морр'Каю. В его глазах нет гнева — и от этого становится гораздо страшнее.

— Она — живое существо из другого мира, — отчётливо произносит он. — И у неё есть имя. Мейв. Она понимает каждое слово, что мы произносим. Поэтому прояви... — он делает паузу, будто подбирает слово, которое Морр'Кай способен осмыслить, — *толику* уважения, Мор'Кай.

Аэрес доволен. Демонстрирует это всем видом.

Морр'Кай сжимает кулаки так, что они увеличиваются в два раза. Его взгляд скользит по мне, будто приценивается, как именно он будет меня рвать, когда получит право.

— И к тому же... — Ксаар'Денрил переводит взгляд на Велириса, — в Крепости Вэйлетар ей будет безопаснее всего.

— О, братец, не хмурься так. Это не значит, что Печать станет моей. Или твоей. Это значит лишь одно — отец исчез. И мы не можем позволить себе потерять хрупкий шанс его вернуть. Особенно если этот шанс не рычит, не плюётся огнём и не раздувает грудь, как обиженный бык, — добавляет он более высоким тоном.

— Замолчи, Аэрес, — бросает Мор'Кай.

— О, наконец-то слово, которое ты используешь по назначению, — парирует тот.

И если бы взгляды могли убивать, Аэрес уже лежал бы на каменной кладке, истекая кровью.

Меня ведут длинными, вытянутыми коридорами крепости. Стражи следуют молча, шаги гулко ударяются о тяжёлый каменный пол. Каждый звук отзывается внутри меня дрожью. Я едва переставляю ноги от холода и усталости, но всё равно стараюсь держать голову хотя бы чуть выше. Мы поднимаемся по винтовой лестнице. Минуем высокие арки, и наконец дверь передо мной распаивается.

Внутреннее убранство комнаты поражает до оцепенения. Тёмные, будто полированные каменные стены украшены резьбой. На потолке переплетаются чёрные балки, выгнутые в разнообразных формах. Между ними мерцают подвешенные кованые чаши с огнём, а глубокое жёлтое пламя разливает по комнате зловещие отблески.

Меня толкают чуть вперёд, и я сразу замечаю ту, кому меня передают.

Возле чанов копошится полная, крупная Кхарримка с длинными, плавно изогнутыми рогами. Её кожа тёмно-вишнёвая, глаза узкие, цвета золотистой меди. Грубый фартук поверх плотной кожаной одежды. Злой огонёк во взгляде никак не сочетается с внешней мягкостью форм.

— Накорми девчонку, Дурга'Шай, — бросает один из стражей. — Приказ Ксаар'Денрила. Она недовольно фыркает.

— Да уж, вижу. Притащили ещё кого-то. Ладно, эта хоть живая, не придётся разделявать тушу. И на том спасибо.

Дурга'Шай. Идеальное имя для той, кто, кажется, сварит любого, кто ей перечит.

Меня усаживают на тяжёлый стул возле огромного камина. Невероятный, алчно ревущий огонь пожирает поленья толще, чем мое тело, и жар мгновенно обжигает кожу, пробираясь под истончившуюся одежду.

Слуги без лишних напоминаний укутывают меня в тёплые, пушистые шкуры, кладут их на плечи, на колени, под ноги. Кто-то подаёт мягкие кожаные сапоги с мехом внутри. Я чувствую, как возвращается тепло, и тело болезненно откликается на этот контраст: дрожь становится ещё сильнее, но теперь уже от облегчения.

Дурга'Шай ставит передо мной тарелку с таким стуком, будто кидает её.

— Жри, — бурчит она.

Я опускаю взгляд — и меня едва не выворачивает.

На тарелке лежит кусок плоти. Волокна розово-красного цвета, по краям темнеющие, в середине чуть дрожащие. Тяжёлый, металлический запах, будто кровь смешана с дымом. Инстинктивно прикрываю рот ладонью, и мерзкий ком поднимается к горлу. Я не могу. Просто не могу.

Отодвигаю тарелку, но взгляд падает на тёмный угол комнаты... Вдруг замечаю, что там кто-то стоит.

Аэрес.

Он наблюдает за мной из тени так внимательно, будто читает мои мысли. Серые глаза с металлическим блеском пронзают насквозь. И когда он замечает моё отвращение, уголок рта чуть поднимается, выражая удивление. А может, и вовсе раздражение моей слабостью.

И прежде чем я успеваю отвернуться, он величественно выходит из тени.

Неслышно.

Плавно.

Подходит к столу и опускается на стул напротив меня. Из-за его размеров стул кажется меньше, чем есть. Дурга'Шай фыркает, но ставит перед ним такую же тарелку, что и у меня, только порция больше, грубее, а её вид ещё более устрашающий. Кухарка уходит, оставляя нас наедине.

Аэрес даже не смотрит в её сторону.

Только на меня.

От его внимания под кожей бегут горячие, тревожные мурашки.

Сжимаюсь на стуле, едва дышу. Даже боюсь пошевелиться в присутствии владыки Вэй-летара. Каждое его движение настолько ленивое, будто он никогда в своей жизни не торопился.

Аэрес не сводит с меня глаз, а затем делает то, от чего у меня по позвоночнику пробегает ледяная дрожь.

Он наклоняется, берет руками огромный кусок сырой плоти и без тени отвращения откусывает от него.

Хрустят и тянутся волокна.

Скрипят его клыки.

Медленно и с наслаждением.

Я не выдерживаю — инстинкт сильнее. Я зажмуриваюсь, прижимая ладонь к губам.

Аэрес прожёвывает с явным удовольствием. И, что хуже всего, чуть усмехается. Именно уголком рта — раздражающе самодовольно.

— Чего смешного? — вырывается у меня, а голос дрожит. — Это... отвратительно.

— Это великолепное мясо, — отвечает он спокойно и пожимает плечами.

Его усмешка становится более отчётливой, а глаза — ещё более цепкими.

— Я не хочу даже знать, кому оно принадлежало, — отодвигаю тарелку подальше.

— Степной химере, — так же невозмутимо отвечает Аэрес, вгрызаясь в сырое мясо зубами. — И поверь... Ме-й-в... Не так-то просто его убить. Живучая тварь.

Меня снова передёргивает.

— Я не голодна. Спасибо, — произношу тихо, стараясь заставить желудок не издавать слишком громкие звуки.

И именно в этот момент Аэрес делает то, от чего у меня сердце подлетает к самому горлу.

Он мгновенно обнажает меч. Блеск стали полосой отражается на стене.

Рывок.

Холодный звенящий звук.

Меч оказывается вонзённым прямо в кусок мяса на моей тарелке. А потом Аэрес резким движением подбрасывает его и отправляет прямо в горящее нутро камина.

Шипение пара. Резкий запах.

И я — в шоке, не сразу осознаю, что вскрикнула и резко встала.

Шкуры падают на пол. Стул скрипит.

Аэрес разглядывает меня так внимательно, что кажется, будто он слышит пульсацию крови в моих венах. Его зрачки расширяются, серый металл глаз темнеет. В этот момент он опасен и одновременно — слишком близок.

Но в следующий миг Кхаррим резко отводит взгляд. И снова становится холодным и равнодушным Владыкой адских земель.

Я вспоминаю о своём виде — и мгновенно заливаюсь жаром. Мой тёмно-синий офисный костюм весь в зацепках, порван на правом боку. Блузка распахнута сильнее обычного: пуговища оторвалась, когда меня тащили. Декольте из-за этого получилось несколько глубже, чем предполагалось изначально.

Прижимаю ладонь к груди, судорожно поправляя блузку, и зло смотрю на него.

Взгляд Аэреса скользит по моей руке, по линии шеи, по растрёпанным волосам. И лишь потом добирается до лица. На мгновение он задерживается. В воздухе что-то меняется. Я напряжена до предела.

Стараюсь взять себя в руки и снова опускаюсь на стул. Накидываю шкуры, кутаясь в тепло. Жар камина щекошет щёки, но руки всё равно дрожат.

— Из какого ты мира?

— Земля, — отвечаю, по-прежнему отворачиваясь от мяса.

— Не слышал о таком, — он поднимает бровь. — Далёкий?

— Очень.

Повисает тишина. Только треск дров и гулкий жар пылающего камина.

— Мне... можно воды? — спрашиваю неуверенно.

Он моргает, не понимая. Впервые слышит это слово.

— Воды?

Аэрес произносит его на своём языке — звучит иначе. Тяжелее.

Но я вдруг ясно вспоминаю слово, как пленники называли эту стоячую жижу в башне. И пробую повторить.

— Кхай'нола, — слово пульсирует в висках, отдаваясь резким холодом в груди.

Аэрес замирает.

— Ты произнесла это... — его голос становится ниже, — идеально.

Владыка поднимается, подходит ко мне и наклоняется ближе. Слишком близко. Татуировка на его запястье источает заметный свет. Аэрес тоже замечает это.

— Ты слышала Нить Памяти. Это не просто случайность.

— Мне просто хочется пить, — уволю взгляд в сторону камина.

Он берёт с полки высокий металлический кубок и наполняет его. Осторожно принимаю дар.

Внутри — не мутная жижа, которой поили пленников в высокой башне.

Это... прозрачная жидкость с лёгким серебристым сиянием, будто мелкие кристаллы плывут внутри.

Делаю глоток — и закрываю глаза.

Холодный, чистый, резкий вкус, как талая вода, смешанная с чем-то свежим, напоминающим мяту, но глубже, живее. Она не просто утоляет жажду, а проникает внутрь, в самую глубину, и там рассыпается теплом.

Не могу удержаться и делаю ещё несколько глотков.

Когда я опускаю кубок, замечаю, что Аэрес не отрывается от меня. Пытается решить, кто перед ним сидит: слабое существо... или нечто иное.

Он подходит к камину. Подносит меч, выуживает из огня подрумянившийся кусок мяса, с налипшим на нем слоем пепла, и, почти не глядя, кладёт его в мою тарелку.

— Попробуй, — спокойно произносит он.

Выжидаю. Всё ещё не решаюсь, но его настойчивость подгоняет.

Беру кусок руками, также, как Аэрес... И не могу передать этот вкус! Мякоть сладковатая, дымная, сытная. Очень-очень вкусная. Это божественно, если учесть, что я не помню, когда ела последний раз.

— Тебя проводят в твои покои, — добавляет Аэрес ровным голосом. — Отдыхай. Я бы не хотел, чтобы Печать разорвала наш мир от твоей усталости.

Он разворачивается, но перед тем, как уйти, ещё мгновение задерживает на мне пристальный взгляд. Ему не становится неловко. Подозреваю, подобное ощущение он никогда в своей жизни не испытывал.

И лишь потом Аэрес делает шаг в темноту.

Слуги аккуратно, бережно подхватывают меня. Уводят вглубь коридора, оставляя за спиной жар камина, запах ароматного мяса и невыносимо жаркий взгляд Аэреса, от которого почему-то у меня всё ещё дрожат пальцы...

Глава 6. Лучше бы не видела.

Я иду между слугами, которые направляются в выбранные для меня покои. Высокие, угловатые Кхарримы движутся почти бесшумно. Мне до сих пор трудно смотреть на них прямо: рогатые, массивные, слишком чуждые и слишком настоящие. Так они называют себя Кхарримами — и в этом слове таится древняя, жесткая гордость.

Двери закрываются за моей спиной.

Покои впечатляют. Чёрно-красные стены переливаются живым блеском, словно в глубине материала течет огонь. Резные, демонические барельефы изображают что-то непонятное. Тяжелые, багряные ткани свисают с арок, впитывая мягкий свет, исходящий от свечей на столе.

На возвышении стоит громная кровать, застеленная звериными шкурами, а вдоль стен расставлены массивные тумбы, украшенные серебристыми когтями вместо ручек.

Я медленно выдыхаю и подхожу к искусно выполненной глиняной вазе. Её гладкие, тёплые стенки покрыты спиральными символами. Наливаю в бокал воду — Кхай'нолу. Она неестественно прозрачная и чистая. Пью жадно и с наслаждением. Прохладная, мягкая влага скользит по горлу. Такая вкусная, что я не могу остановиться, пока не выпиваю бокал целиком.

Захожу в соседнюю комнату и, оказавшись в подобие ванной, замираю.

Пол из тёмного, вулканического камня с тонкими прожилками багряного света. Они медленно пульсируют, согревая ступни. Тёплый воздух, насыщенный металлическим, смолистым ароматом, дрожит.

В центре — сама ванна из цельного куска чёрного обсидиана, но форма у неё неправильная, асимметричная, будто камень плавили и ломали руками. Края загнуты внутрь, напоминая раскрытые когти. По борту тянутся выжженные рельефные руны.

Из кранов — открытых челюстей чудовищ, извергается поток воды, но это не просто Кхай'нола. Жидкость густая, теплая, с легким серебристым отливом.

Когда я опускаю руку, вода немедленно реагирует. По поверхности расходятся темные круги.

Вдоль стен стоят чаши с густыми маслами. Их аромат тяжелый и пряный. Почти опасный. Я не решаюсь к ним прикасаться.

Скидываю одежду и медленно ложусь внутрь. Вода скрывает тело почти горячей волной, наполняя энергией, позволяя закрыть глаза и насладиться. Жидкость переливается, лениво меняя оттенки от серебристой до нежно голубой и обратно. Тепло проникает глубоко в мышцы, быстро снимая напряжение.

Когда я выхожу, укрывшись мягкой, плотной тканью, то чувствую, что больше не могу устоять. Усталость наваливается с новой силой.

Падаю в мягкую, удобную кровать и позволяю телу наконец ослабеть. Тишина давит. Сон приходит нервными рывками. Зарываюсь под шкуры и атласные ткани, забывая обо всём на свете.

Мне снится Разлом.

Рваное пространство, вывернутый свет, кричащий воздух. Меня тянет, ломает, рвёт на части. Чужая, тяжёлая энергия проходит сквозь тело, оставляя жгучий след. Я вижу поле боя, чёрный пепел, алое небо, вспышку — и исчезающую фигуру.

Передо мной возникает лицо. Древнее, суровое, изрезанное временем и силой. Глубоко посаженные, спокойные глаза смотрят так, будто знают обо мне больше, чем я сама.

Вэлкаррион. Он кивает, но я не понимаю ничего, ощущая лишь неопределенность и страх.

Просыпаюсь резко.

Горячий пот покрывает кожу, дыхание сбивается. Сажусь, прижимая меха к груди, и смотрю в окно. За ним яркое, беспощадное Солнце снова заливает мир Кхарримов огнём.

Новый день. И я всё ещё здесь.

Подхожу к окну, небрежно прикрываясь длинной, атласной тканью, похожей на простыню. Холодная, гладкая поверхность скользит по коже, но я держу её рассеянno, почти забывая о собственной нагоде.

Внизу, под чёрно-красными стенами Вэйлетара, шевелится жизнь. Крошечные фигуры Кхарримов движутся по дворам, между башнями, вдоль пепельных дорог. Надёжные бастионы отбрасывают длинные, острые тени на раскалённый песок. Я изучаю неизведанное жадно, словно пытаюсь убедиться, что это всё ещё реально.

За спиной раздаётся звук.

Уверенный шаг. Лёгкий металлический скрежет.

Я резко оборачиваюсь.

В дверном проёме стоит Аэрес.

Тёмная, мощная фигура заполняет собой пространство. Необычный блеск демонических глаз цепляется за меня не сразу — медленно, откровенно, без малейшей попытки скрыть интерес. Его взгляд скользит по моим плечам, по ключицам, по ткани, которой я так небрежно прикрыта.

— Нельзя входить в чужую комнату без стука, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он слегка склоняет голову, будто раздумывая над моими словами, а затем усмехается.

— С чего ты взяла, что комната чужая, — равнодушно отвечает он. — Здесь всё принадлежит мне.

Я лишь плотнее прижимаю ткань к телу, но подбородок упрямо поднимаю выше.

— Пока я здесь живу, — отвечаю, — и ты сам так распорядился, это моя комната.

На лице Кхаррима мелькает настоящее удивление. Короткое, искреннее. Оно тут же сменяется ленивым, опасным интересом. Он не отводит взгляд. Наоборот — разглядывает меня ещё внимательнее, наглее, беззастенчиво, словно я не человек, а редкий трофей.

— Интересно, — наконец признаёт Аэрес. — Неожиданно... Ты, получается, права.

Меня передёргивает.

— Уйди, — продолжаю. — Мне нужно переодеться.

В серых глазах вспыхивает тёмный огонек.

— Я как раз за этим, — отвечает Владыка.

Не торопится. Медленные шаги отмеряют расстояние между нами.

Грудь сжимается, холодный воздух касается кожи там, где ткань соскальзывает. Аэрес наклоняется, поднимает с пола мой рваный, темно-синий офисный костюм.

Он подносит его к лицу.

Медленно вдыхает запах.

Меня накрывает волна ужаса. Я резко поднимаю ткань выше, закрываясь полностью, будто это может меня спасти. Самое сложное — не пытаться оценивать его действия по собственным меркам дозволенного. Я здесь чужая.

Аэрес заостряет взгляд на мне. Странная насмешка, интерес. У меня сбивается дыхание.

Ничего не сказав, он разворачивается и уходит.

Дверь закрывается за ним мягко, даже вежливо. Для Кхаррима.

А я остаюсь у окна, с бешено колотящимся сердцем, понимая, что только что стала частью игры, правил которой не знаю, но из которой меня уже непустят.

Я какое-то время не двигаюсь, будто Аэрес всё ещё здесь. Едва успеваю перевести дыхание, как в комнату без всякого предупреждения входит Кхарримка.

Идет уверенно, властно, будто покои принадлежат ей не меньше, чем ему. За ней тянется цепочка слуг. Молчаливые, низко склонённые фигуры заносят вещи и аккуратно складывают их на мою кровать. Темные, парчовые ткани. Богатые, вышитые платья, украшения, обувь. Всё это выглядит нереально, как витрина чужой жизни, предназначенной не мне.

Кхарримка останавливается.

Недружелюбный, оценивающий взгляд окидывает меня с головы до ног. Она закусывает палец, не скрывая интереса, будто я — редкое, но сомнительное приобретение.

— Я Сар'Кайра, — наконец произносит она. Голос низкий, шероховатый, с насмешливой хрипотцой. — И ты будешь переодеваться.

Открываю рот, чтобы возразить, но не успеваю.

Кхарримка подходит слишком близко. Резкое движение — и ткань, которой я прикрываюсь, с силой сдёргивают с моего тела. Вздрагиваю, пытаюсь неловкими руками ухватиться за край и вернуть на место, но поздно. Теперь моя простынь в руках беспардонной демоницы.

Прохладный воздух обрушивается на кожу.

Я инстинктивно прикрываюсь руками, лицо вспыхивает жаром стыда и злости. Сар'Кайра, не обращая на это ни малейшего внимания, медленно, нагло пробегается по моей фигуре пальцами, снимая мерки.

— Очень худая, — цокает она языком. — Кожа да кости. Тебе надо есть. Много. И регулярно. Иначе ты просто не выживешь.

Она бросает ткань на ближайший стул, как обычную тряпку, и жестом приказывает слугам подать платье.

Мне помогают одеться. Слишком быстро и ловко. Расшитая, богатая ткань ложится на плечи, скользит вниз, обнимает тело плотным, непривычным весом. Вздрагиваю, едва удерживая равновесие.

— Тяжёлое... — неосознанно срывается с губ.

Сар'Кайра усмехается.

— Это не тяжесть, — тянет фразу она. — Это защита Владыки. И статус. Привыкай, чужеземка.

И тут до меня внезапно доходит, что я произнесла это, как само собой разумеющееся, на чужом языке... Она поняла меня!

Двое крепких слуг заносят огромное зеркало, чтобы я взглянула.

Платье сидит идеально, будто его шили под меня, но я чувствую себя в нём странно. Да уж, Мейв, ты ведь не носишь платья... со школы, наверное.

Кхарримка отступает на шаг, снова оценивая результат, и на её лице мелькает одобрение, тщательно скрытое за грубостью.

— Лучше, — решает Сар'Кайра. — Гораздо лучше. Теперь ты хотя бы выглядишь так, будто имеешь шанс выжить в Вэйлетаре. Не силой, так хотя бы красотой. Такую многие купили бы в коллекцию. Жаль, без рогов за тебя много не дадут. Владыка хочет продать тебя?

— Что? — совсем тихо вырывается у меня.

— Продать тебя. Тебя точно купят. Даже не переживай! — Она смеётся, а мой сухой язык прилетает к нёбу от этих слов.

Стою посреди чужих покоев, в тяжёлом демоническом платье, и понимаю одно, что отныне каждое моё движение, каждый вдох — уже часть их мира. И он не собирается быть со мной мягким.

Сар'Кайра ведёт меня «покормиться», как она сама это называет, будто речь идёт не о человеке, а о существе, которое нужно просто заправить топливом. Молча следую за ней, стараясь не отставать, и вдруг замираю.

Невероятной красоты зелёный сад.

Живой. Настоящий.

Густая, сочная трава стелется между серыми каменными дорожками. Высокие, изогнутые деревья с широкими листьями отбрасывают прохладную тень. Прозрачные струи воды текут по узким желобам, наполняя воздух влажным, свежим запахом. Я ожидала увидеть красный песок, чёрный пепел, выжженную землю — всё, что соответствует аду из собственных страхов. Но здесь — зелень и жизнь.

— Не смотри так, — усмехается Сар'Кайра, не оборачиваясь. — Вэйлетар кормится не только войной.

Я всё-таки спрашиваю, и она неожиданно отвечает. Рассказывает о крепости, о том, как она росла здесь, как Вэлкаррион, требовал, чтобы внутри стен была жизнь, а не только сталь и кровь.

— Он любил своих детей, — бросает она почти небрежно. — По-своему. Очень по-своему.

Кхарримка замолкает резко.

Её внимание перехватывает движение сбоку. Несколько слуг тащат тяжёлую тушу животного, которая крупнее, чем они в три раза. Тёмная, массивная плоть волочится по камню, оставляя за собой густые полосы крови. Сар'Кайра срывается с места, бежит к ним и начинает зло, яростно кричать. Так громко, что я невольно вздрагиваю. Хлёсткие, резкие слова срываются с её губ.

Дальше я иду одна.

Сад тянется вглубь, изгибается, и за одной из живых изгородей я вижу их.

Морр'Кай.

Он прижимает к каменной колонне красивую Кхарримку. На ней такое же роскошное, подчёркивающее фигуру платье, как у меня. Она не рабыня... Изящные, изогнутые рога. Они гладкие и почти чёрные, словно отполированные, украшенные лентами и массивными серьгами с камнями. Её приоткрытые губы дрожат, дыхание сбивается. Сопротивления нет — наоборот, она подаётся ближе к нему.

Пальцы Морр'Кая собственнически скользят под подол платья. Его красивое, беспристрастное лицо склоняется к её шее.

Меня будто окатили ледяной водой.

Я не думала подглядывать. Надо бы отвернуться, но уже поздно. В груди сжимается что-то непонятное. Не страх или отвращение, а чуждое и тревожное чувство, будто я случайно заглянула в часть этого мира, в которой мне не дозволено появляться.

И тогда Морр'Кай поднимает глаза. Находит меня мгновенно.

Острый взгляд когтем цепляется за моё платье. Кхарримка замирает, всё ещё прижатая к его груди, но он уже сосредоточен на мне. Медленно, лениво, Морр'Кай перемещает руку с её шеи на грудь и демонстративно изгибает губы в опасной улыбке.

Но не опускает глаз с меня...

Глава 7. Мор'Кай. Коварный план.

Я чувствую её раньше, чем вижу по-настоящему.

Чужая. Чистая. Слишком живая для этих стен.

Она пережила страх, потом грязь поля боя и холод башни. А теперь... теперь от неё тянет тёплой, человеческой уязвимостью, обёрнутой в дорожную ткань. Это раздражает. И, к моему неудовольствию, эта хрупкость цепляет.

Я медленно разжимаю пальцы.

Дорогая Кхарримка всё ещё прижата ко мне, её гибкое тело послушно повторяет мой вдох. Тёмные, изящные рога украшены атласными лентами цвета засохшей крови. Красивая. Послушная. И пустая.

— Уходи, Тхар'Веллира, — лениво приказываю ей. — Мы продолжим позже.

Пальцы ещё проигрывают с лентами в её рогах. Мягкая ткань скользит между когтями, но мой взгляд уже сосредоточен на чужеземке... Тхар'Веллира улыбается, осознавая своё место, и уходит. Она не оглядывается, величественно придерживая длинные юбки.

А я направляюсь к другой.

«Ме-й-в»... Впервые произношу в мыслях имя девчонки.

Её переодели. Отмыли. Спрятали страх под богатым платьем. И всё же он никуда не делся. Дрожит в ускоренном и неровном дыхании. Я замечаю, как поднимается грудь, как напряжены плечи.

Она не на своём месте и не знает, куда деть руки.

Останавливаюсь в шаге.

Слишком близко для такого хрупкого существа, но слишком далеко для удара.

— Взгляни на меня, — приказываю.

Не смотрит. Уставилась в одну точку за моей спиной, глупышка словно ждет неожиданного спасения.

Её пальцы тонкими, нервными движениями теребят оборки платья. Это забавно. Мне нравится ощущение, которое я в неё вбиваю: неизбежность, беспомощность и ужас. Чистые, честные чувства. Так и должно быть. Чем быстрее она смириться со своей участью, тем легче ей будет принять всё остальное.

— Знаешь, — произношу медленно, оценивая её, — ты кажешься не такой жалкой, как я думал. Если тебя отмыть и завернуть в достойные ткани... ты даже можешь сгодиться для чего-то.

Молчание.

Я делаю полшага вперёд. Она отступает. По-прежнему скользит взглядом куда-то меня.

Ещё полшага...

— Печать, которую ты носишь, — самое ценное, что осталось в этом мире, — продолжаю, наслаждаясь каждым словом. — Если она выбрала облик чужеземки, значит, о тебе придётся заботиться. Кормить. Беречь... Использовать. Всё самое лучшее — для бесценной вещи.

Я наклоняюсь ближе, почти касаясь её своим дыханием.

— А вещь, Мей-в, — добавляю тихо, — должна знать, кому она принадлежит. Когда я спасу отца и вытащу Печать из этого слабого тела, не знаю, что ожидает тебя. Я бы продал тебя в рабство, пока ты хоть чего-то стоишь... Ты, как диковинный цветок с опаленными лепестками... Я продам тебя дорого.

В этот миг она поднимает голову.

Злой, но всё ещё испуганный взгляд наконец ловит мой. Она понимает каждое слово, чему я неосознанно удивляюсь, а удивить меня совсем не просто.

Её ладонь с силой бьёт по моей щеке!

Резкий, звонкий звук разрезает воздух. То, чего я никак не ожидал.

— Надо помнить, что у цветов бывают шипы, — Мейв отвечает на моём языке и... Я её отлично понимаю...

Не двигаюсь.

Медленно поворачиваю голову обратно, ощущая непривычный жгучий след удара. В её глазах — ярость и отчаяние. Теперь она смотрит прямо на меня. По-настоящему.

И я улыбаюсь.

Потому что её смелость, злость и попытка сопротивляться мне нравятся куда больше, чем покорность любой Кхарримки.

Жар от её ладони до сих пор ощущается на щеке. Замечаю движение за спиной Мейв.

Аэрес.

Он идёт уверенно, с таким выражением лица, которое означает лишь одно: он всё видел и ему это понравилось. Его довольная физиономия появляется из-за колонн, и в этот миг внутри меня резко поднимается злое, колкое и неприятное чувство.

Я отступаю от Мейв на шаг, не отрывая от неё глаз.

Аэрес останавливается рядом с чужеземкой, чуть сбоку, но достаточно близко. Его присутствие раздражает. Брат спокойно, холодно смотрит на меня поверх её головы, как на угрозу, действия которой он уже просчитал.

— Напомню, — Аэрес говорит ровно, — ты здесь всего лишь гость.

Усмехаюсь.

— Я помню, — отвечаю ему также холодно. — Буду гостить до следующей Песчаной бури.

Губы брата изгибаются в тонкой улыбке, не скрывающей превосходства. Ведь я здесь один, без поддержки своих воинов. Они остались за пределами крепости Вэйлетар. Аэрес не убьёт меня, потому что в этом не будет чести. Не тот бой, которого он желает.

— Буря не заставит себя ждать.

Я отчётливо чувствую послевкусие надменных слов. Не как предупреждение, а как обещание.

Перед тем как уйти, я снова оглядываюсь на Мейв. Прямо. Без насмешки или улыбки.

— Я не шутил, — тихо говорю я.

Пусть запомнит.

Разворачиваюсь и ухожу вглубь замка, позволяя шагам раствориться в камне. Гнев клочет под кожей, но я крепко держу его — сейчас не время.

Меня перехватывает Велирис.

Он возникает из самой тени. Массивный, древний, с глазами, в которых нет ни тепла, ни суесть. Он кладёт тяжёлую ладонь мне на плечо. Этот жест он позволяет себе редко.

— Нам нужно поговорить, — произносит глухо. — И это серьёзно.

Я останавливаюсь. Поворачиваю голову.

— Я слушаю.

— Не здесь, — он осматривается по сторонам и, отвернувшись, уходит вглубь коридоров.

Следую за ним. Наконец Велирис останавливается у Восточной башни, где нас не могут увидеть стражи врат.

Он ждёт, словно не решается начать разговор, а я наоборот нетерпелив.

— Этот разговор, — говорит он негромко, — должен остаться между нами.

Я усмехаюсь краем губ.

— Разумеется.

Велирис делает шаг ближе. Древняя, тяжёлая тень ложится на камень. Он открывает рот, но не роняет и звука. Ведь только тщательно подобранные слова имеют вес на Ксир'Архе.

— Я всегда считал, — медленно начинает он, — что Вэлкаррион ошибся в выборе.

Напрягаюсь и почти не двигаюсь, затаив дыхание.

— Хранителем Печати должен был стать ты, Морр'Кай. Мы все видели, как твой отец... слабеет, как Печать медленно губит его.

Слова ложатся точно. Глубоко. Туда, где давно живёт ярость.

— Только ты обладаешь нужной силой, — продолжает он, — стойким разумом, холодной волей и острым умом. Ты не дрогнул бы. Не колебался. Ты бы удержал Печать.

Он делает паузу, позволяя мне самому закончить мысль. Но я выжидаю.

— Аэрес... — Велирис криво улыбается. — Аэрес всегда был баловнем судьбы. Не потому, что был достоин. А лишь потому что его мать Вэлкаррион любил больше остальных своих Кхарримок.

В желудке вскипает закипает огонь, поднимаясь к самому сердцу.

— Именно поэтому этот смазливый мальчишка, — продолжает Велирис мягко, почти с сочувствием, — всегда получал лучшее. Лучших наставников. Лучшее оружие. И лучшее отношение. Он мог бы стать следующим Хранителем Печати.

Несправедливые слова звучат слишком правильно.

— Это всё не по праву. Он ведь младший сын, — тихо добавляет Велирис. — У нас много врагов, Мор'Кай. Они каждый день проверяют нашу броню на прочность. И один неправильный выбор может уничтожить расу Кхарримов навсегда.

Гнев поднимается мгновенно, обжигаяще.

— Он всегда был слишком хорош, — рычу я. — Поэтому Совет на его стороне. Отец возвышал брата с самого рождения.

Велирис кивает, потому что я подтверждаю его собственные выводы.

— Верховный Совет Элд'Наар поддерживает Аэреса, — говорит он как бы между прочим. — Пока что...

Вот тут я взрываюсь, потому что итак отлично это знаю.

— Конечно! — бросаю я. — Они слепы. Они видят только фасад. Сам Ксаар'Денрил стоит за ним, хотя и прикрывается нейтралитетом. Совет это чувствует. Поэтому доверяет ему и брату.

Велирис не спорит. Он улыбается.

— Это можно исправить.

Я медленно поворачиваю голову.

— Показать Верховному Совету, — продолжает он, понижая голос, — что Аэрес не справляется. Что он слишком юный. И беспечный. Что его больше интересуют развлечения, чем действительно важные вещи, от которых зависит выживание расы.

Он делает шаг ближе, почти доверительно.

— Нужно лишь... убедить их в его несостоятельности. А Ксаар'Денрил не сможет игнорировать факты...

Молчу.

В груди всё ещё кипит злость, но теперь она холодная и обоснованная. У меня появилась цель.

Велирис сосредоточен на моём лице. Он уверен, что семя уже брошено.

Глава 8. Аэрес. Разлом.

Я останавливаюсь возле арки и не вхожу.

Это глупо и смешно. Недостойно Владыки Вэйлетара. И всё же я стою, прислонившись к камню, и подглядываю, словно мальчишка.

Мейв сидит за столом.

Она с аппетитом ест, без брезгливости. Откусывает мясо, запивает Кхай'нолой, осторожно пробует тёмные травы. Напряжение медленно покидает её плечи. Значит, всё-таки может привыкнуть. Даже здесь.

Это я приказал Дурга'Шай прожарить мясо.

Она рычала, плевалась, клялась, что я оскверняю пищу, что «плоть должна чувствовать огонь битвы, а не жалкое тепло». Разумеется, она сделала, как я приказал.

Усмехаюсь.

Мейв.

Имя странное. Непривычное. Оно мягкое, короткое, не принадлежит этому миру. Я проговариваю его про себя, пытаюсь уловить смысл. Имена редко бывают пустыми. Интересно, что оно значит там, откуда она пришла?

Я делаю шаг — и камень под ногой тихо шуршит.

Мейв вскакивает мгновенно.

Глаза распахнуты, пальцы сжаты, будто она готова бежать, хотя не знает куда. Она смотрит на меня так, словно я появился из воздуха.

Это... умиляет.

— Закончила? — спрашиваю с ленивой улыбкой.

Чужеземка не отвечает. Только таращится.

— Доедай, — добавляю. — Нам пора.

— Куда? — спрашивает она осторожно.

— На место Разлома. На поле боя.

Лицо Мейв меняется.

— Прямо сейчас?

— Да.

Не вижу смысла тянуть. Опасность не любит ожидания. Надо хорошенько рассмотреть место исчезновения отца.

Она делает шаг, всё ещё неуверенно, но следует за мной. Я слышу лёгкие, почти бесшумные шаги позади. Странно и непривычно.

Во двор мы выходим вместе.

Там уже ждут воины. Высокие, мощные, закованные в крепкую броню. Они замолкают и низко склоняют рогатые головы, когда замечают своего Владыку. Их настороженные и изучающие взгляды скользят по Мейв.

Уверенно направляюсь вперёд, осознавая одно, если Разлом снова дышит — есть возможность вернуть отца. Это мой долг.

Я резко, уверенно поднимаю руку.

Воздух будто вздрагивает, узнавая этот жест.

Из тени арки срывается он.

Мой Кра'Зиал.

Существо из самого кратера вулкана с перепончатыми крыльями, шипастым хребтом и зубастой пастью, из которой всегда слышится тихое рычание. Даже когда он спокоен. Я жёстко и властно хватаю его за загривок. Кра'Зиал тут же подчиняется, прижимает пузо к камню, распластывая крылья.

Хороший зверь.

Уверенно сажусь в седло и протягиваю руку Мейв.

Она смотрит не на меня, затем в пасть Кра'Зиала.

Широкие глаза, частое дыхание, инстинктивный шаг назад. Отступить в моём мире — продемонстрировать свою слабость.

— Ни за что.

Смеюсь громко, от души.

— Он смертельно страшный, — отвечаю, так и не убирая руку. — Но сейчас у него хорошее настроение. Он сожрал с утра несколько плотоядных зубаток.

— У вас... — она сглатывает, — у вас есть что-то наземное? Ну... типа лошадей?

Сдвигаю брови и честно отвечаю:

— Я не знаю, что такое лошадь. И как оно выглядит — тоже.

Позади неё страж делает шаг и настойчиво подталкивает Мейв вперёд.

Она вздрагивает всем телом оглядывается.

Её равновесие ломается — и в следующий миг я хватаю её.

Лёгкая.

Слишком.

Сажая в седло перед собой — и девчонка резко, коротко вскрикивает, будто не ожидала, что мои руки будут такими твёрдыми. Её спина напрягается, плечи поднимаются, кажется, она даже не дышит от страха. Замирает, боясь пошевелиться.

И вдруг — понимаю.

Она хрупкая.

Не в словах или в образе. В самом ощущении.

Тонкая талия под моими ладонями, быстрое сердцебиение, тепло живого тела, которое не привыкло к силе, к высоте и бездне под ногами.

Во мне что-то остро и неожиданно откликается.

Возбуждение вспыхивает мгновенно, как искра о камень, и я зло усмехаюсь сам себе. Не сейчас. Не время. Но тело не спрашивает.

— Держись за загривок, — говорю тише, почти у её уха, крепче перехватывая поводья.

Мейв едва заметно кивает и всё же прижимается к моей груди спиной, словно ищет опору.

Я бью шпорами в бока Кра'Зиала.

Летун с готовностью рывкает и взмывает вверх, с силой рассекая воздух крыльями. Двор исчезает мгновенно, камень становится точкой, а крик Мейв растворяется в знойном ветре.

Одной рукой я крепко держу её.

И ловлю себя на мысли, что отпускать не хочется.

За нами взлетают несколько стражей. Войско Морр'Кая, как побитые псы, ждут своего Владыку с другой стороны горы. К Вэйлетару я их близко не подпущу. Я давно не доверяю брату, но пока он в моей крепости, можно заняться поиском истины и не ожидать внезапного нападения.

Мейв сидит, сжавшись в плотный, напряжённый комок. Глаза сильно зажмурены, будто это может удержать её от падения в пустоту, если она всё же сорвётся.

— Дыши спокойно, — мой голос командный, как всегда. — Я тебя держу.

Не отвечает.

Тогда я усмехаюсь и говорю первое, что приходит в голову — не приказ, не предупреждение. Обычные слова.

— Моё имя означает «тот, чья душа принадлежит звёздам».

Чужеземка чуть заметно шевелится.

— А твоё? — спрашиваю. — Ме-й-в... Необычное. Что оно значит?

— Я не знаю, — отвечает она после паузы. — Просто имя.

Мне это почему-то кажется... неправильным. Имя без смысла. Без корней. Без силы. Или она не хочет рассказывать?

— Открой глаза, — твёрдо приказываю, когда мне надоедает её упрямство.

— Нет, — в ответ она лишь качает головой. — Мне страшно. Здесь слишком высоко.

Не давя, как сделал бы раньше.

Мы летим молча. Ветер рвёт воздух, крылья Кра'Зиала глухо бьют по пустоте, а чужое дыхание постепенно становится ровнее.

— А... — вдруг тихо спрашивает она. — А что означает имя Морр'Кай?

Морщу лоб.

— «Сын теней».

Она не видит моего лица, но я всё равно продолжаю.

— Его мать — не Кхарримка. Говорят, она была нечистой, — произношу это без презрения, скорее, как факт. — Подарила ему жизнь и исчезла.

В этот момент она открывает глаза.

Тёплые и тонкие пальцы неосознанно находят мою руку и сжимают её.

Мне приятно это ощущение. Оно настолько простое, будто это ей сейчас нужно сильнее, чем что-либо в мире. Я позволяю. Татуировка начинает мерцать от близости Мейв. Это всегда настораживает.

— Отец сам нарёк его Морр'Каем, — продолжаю я. — Он верит в имена. В их силу. У Кхарримов так принято.

— У тебя есть крылья, почему ты... не летаешь сам? — неуверенно спрашивает Мейв.

— Что? — искренне смеюсь от подобной глупости, — я — Владыка самой высокой крепости на Ксир-Архе — Вэйлетар, сын Калдира Вэлкарриона, Верховного Хранителя Печати. Ты даже не представляешь, кто я такой!

— То есть ты не умеешь летать?

Недовольно фыркаю. Получается эта девчонка оскорбляет меня, даже не осознавая!

Наклоняюсь ближе.

— Мы снижаемся.

Сжимаю её сильнее, уверенно, и моя широкая ладонь проскальзывает выше — к рёбрам Мейв, удерживая, защищая. Она напрягается, но поддается.

Хорошо.

Значит... доверяет?

А доверие куда опаснее, чем страх.

Мы приземляемся тяжело. Кра'Зиал складывает мощные крылья и рычит, вдавливая когти в песок. Я спрыгиваю первым и помогаю Мейв спуститься. Здесь всё ещё пахнет боем — спёкшейся кровью, гарью и раскалённым камнем.

Мейв идёт рядом и внезапно останавливается, запутавшись в юбках.

— Мне снился твой отец...

Я поворачиваюсь к ней.

— Он что-нибудь сказал?

— Нет. — Она качает головой. — Но он был... спокойный. Уверенный. Я увидела это в его взгляде.

Это задевает сильнее, чем слова. Она, должно быть, не понимает, что говорит. Отец не мог быть спокойным в разгар битвы с Морр'Каем. Брат перешёл все границы.

Резко останавливаю её жестом и подхожу к месту, где исчез отец.

Передо мной — изуродованная земля. Чёрный пепел вперемешку с красным песком, оплавленные камни. Воздух здесь глухой и тяжёлый. Разлом давно схлопнулся, но оставил

после себя шрам — неровный, выжженный круг. Кажется, сама земля пыталась сомкнуться, но так и не смогла.

Полностью откидываю песок с руны, взмахивая крыльями. Половина исчезла. Остальное изуродовано бурей и кровью.

Мейв подходит ближе и застывает, глядя вниз.

— Я... — она хмурится. — Во время боя я не видела никакого символа, хотя сидела в метре от этого места.

Усмехаюсь, будто она неуместно пошутила.

— И не могла.

Мейв поднимает на меня взгляд.

— Почему?

Я указываю на землю.

— Руна была активна. Когда такие знаки работают, они не лежат на поверхности, а проваливаются в слой между мирами. Ты видела Разлом, но сам знак был смещён. — Сжимаю пальцы. — В бою глаза видят хаос, а не основу.

Выпрямляюсь и внимательно смотрю на полустёртый рисунок.

— Эта руна... — мой голос становится твёрдым. — Она была целой только в один момент.

Мейв напрягается.

— В какой?

Аеревожу взгляд на неё.

— В тот самый миг, когда исчез мой отец.

Мейв бледнеет.

— И в тот же миг, — продолжаю я, не отводя глаз, — здесь появилась ты.

Тишина обрушивается резко, словно мир задерживает дыхание.

— Это не совпадение, Мейв, — продолжаю, сгребая песок между пальцами. — Ты была не просто рядом.

Делаю шаг к ней.

— В тот момент ты была частью руны.

Она отступает на полшага.

— Что... что это значит?

Я долго смотрю на неё.

— Это значит, — произношу вполголоса, — что если мы захотим восстановить Разлом...

Я намеренно делаю паузу.

— ...тебе придётся снова встать на его место. И на этот раз мир может не отпустить тебя обратно.

Глава 9. Мейв. Приезжий балаган.

Я смотрю на изломанную руну, присыпанную красноватым песком, и ничего не понимаю. — Что это всё значит? — мой голос дрожит.

Аэрес не отвечает сразу. Он резко осматривается по сторонам, будто внезапно почувствовал опасность. Следующее происходит слишком быстро.

Его сильная рука грубо сжимает моё запястье.

— Ай! — я вскрикиваю, дергаясь.

Он мгновенно ослабляет хватку. Я вижу по его лицу, что он сам не ожидал от себя такой резкости. Его пальцы разжимаются, но ладонь всё ещё тёплая и тяжёлая, будто он не хочет отпускать.

— Ты такая хрупкая, не могу рассчитать силу, — хмуро бросает он, словно злится сам на себя, и вновь тянет меня за собой.

Мы идём к жуткой твари — к его страшному летуну. Огромное тело, отвратительные кожистые крылья, зубастая пасть. Кра'Зиал. Он смотрит на Аэреса с невообразимой преданностью. Да, зверюга обожает хозяина всей своей демонической душой.

Аэрес подхватывает меня и усаживает в седло. Уверенно, будто делал это сотни раз в день, и вкладывает в мои руки поводья.

— Держись крепче, Мейв.

Он оборачивается к воинам. Голос становится резким, тревожным.

— Ко мне!

Несколько свирепых Кхарримов на таких же летающих тварях выдвигаются вперёд. Аэрес смотрит на самого страшного из них — массивного, с исполосованными рогами и тяжёлым взглядом.

— Грак'Тар, — произносит он медленно. — Ни на шаг не отходить от чужеземки. Особенно... — его глаза темнеют, — не подпускать к ней Морр'Кая.

Грак'Тар выходит вперёд, ударяет себя кулаком в грудь и коротко кивает.

Аэрес больше не медлит. Он кладёт руку на шею Кра'Зиала.

— В крепость.

Тварь мгновенно подчиняется. Крылья рвут воздух. Меня вжимает в седло, я едва успеваю крепче ухватиться за поводья и зажмуриться.

Сердце колотится так, будто пытается переломать мне все рёбра.

А в сознании звучат слова Аэреса.

Руна... мир может не отпустить.

И от этого становится по-настоящему страшно.

Он что-то недоговаривает. Мы с ним чувствуем друг друга и это связано с этой руной! На Совете никто не упомянул об этом, значит... никто не догадался или не предполагал, что такое вообще возможно. Я должна разобраться. Иначе я никогда не вернусь домой! Никогда не увижу своего сына...

Когтистые лапы Кра'Зиала касаются камня во дворе Вэйлетара, и я почти падаю, соскальзывая с седла. Не оглядываясь, иду вглубь крепости. Резкие шаги, гулкие коридоры, тяжёлое дыхание. Рядом молчаливой, мрачной живой тенью движется высокий Грак'Тар.

Ускоряюсь, почти бегу, сама не зная куда. Мне нужно тихое место, чтобы прийти в себя. Задумавшись, влетаю в кого-то лбом.

— Осторожнее, — раздаётся знакомый насмешливый голос.

Сар'Кайра. Она разглядывает меня и смеётся.

— Смотри-ка, девчонку ещё не сожрали чертовы твари за пределами замка.

— Мне нужна библиотека, — выдыхаю.

Она смеётся пуше прежнего.

— Ох, какие слова и ни одного знакомого мне!

— Тогда... — я стискиваю зубы, — где здесь свитки? Пергаменты? История Кхарримов?

Вы же читаете?

Сар'Кайра прищуривается, кивает и разворачивается.

— Это не каждому дано, только Высшая кровь может читать. Мне это даже не нужно.

Мы идём долго: по холодным, резным коридорам, под арочными сводами, мимо тёмных ниш со сложными статуями. Здесь воздух пахнет пеплом и древностью. Наконец двери распахиваются.

Библиотека оглушает своим величием.

Высокие, бесконечные стеллажи уходят ввысь. Золотые, живые свитки переливаются мягким светом, словно это не пергамент, а жидкое золото. Тонкие руны медленно пульсируют, реагируя на присутствие. Тяжёлые цепи удерживают фолианты.

Я замираю.

— Впечатляет, да? — усмехается Сар'Кайра. — Надеюсь, ты хоть что-то сможешь прочесть. Язык Кхарримов не простой, а мне пора. Иначе Владыка Аэрес оторвёт мне рога.

Она уходит.

Двери закрываются.

У входа остаётся неподвижный и огромный Грак'Тар. Его настороженный взгляд всё ещё прожигает мне спину.

Сглатываю и делаю шаг к свиткам.

Кажется, здесь спрятаны ответы. Вот только понять бы, как всё устроено.

Я теряю счёт времени, бесцельно кружась между стеллажами. Свитки слишком древние, я боюсь, что не смогу разобраться, да и с какого из них начать?!

Тяжёлые, размеренные шаги звучат за спиной.

Я оборачиваюсь — и холод пробегает по позвоночнику.

Ксаар'Денрил.

Высокая, внушительная фигура заполняет пространство между стеллажами. Тёмные, массивные рога, спокойный, сосредоточенный взгляд. Он не излучает злость. Смотрит так, словно я — редкий, сложный артефакт, требующий внимательного изучения.

— Это место силы, — получается негромко, но голос не теряет величия. — Хотя мало кто из Кхарримов предпочитает проводить время здесь, а не на поле боя или тренировочных сражениях. Я же считаю, что сила должна быть не только в мускулах, но и в голове.

— Как... как я должна к вам обращаться? — спрашиваю тише, чем хотелось бы. — Мне нужно как-то особенно вас приветствовать? Сделать реверанс? Или... ещё что-то?

Он слегка приподнимает бровь в недоумении.

— Я видела, — продолжаю, торопясь, — как внимательно вас слушали на Совете. Должно быть, вы важная фигура.

Тёплая, почти человеческая улыбка касается его губ.

— У тебя интересный диалект, Мейв, — отвечает он. — Но я понял почти каждое слово, произнесённое тобой на нашем языке.

Меня это поражает сильнее, чем любые угрозы. Я совсем не обращаю внимания, как произношу фразы...

Ксаар'Денрил переводит взгляд на свитки, затем снова на меня.

— Нити Памяти укрепляются, сливаясь с тобой сильнее, — произносит Кхаррим с открытым восторгом. — Раньше эта способность была весьма полезна до уничтожения Древних Врат.

Он делает шаг ближе, и я ощущаю аромат сушеных трав и металла.

— С помощью этого дара передавались знания, приказы, напутствия своим народам, целым мирам. Вэлкаррион единственный, кто использовал весь потенциал Нитей Памяти. Он говорил на языках разных миров. И, поверь мне, все они были интересны.

Моё сердце болезненно сжимается.

— И всё же, — продолжает, — Калдир Вэлкаррион каким-то образом передал Печать чужеземке.

Ксаар'Денрил улыбается медленно и осмысленно.

— Это значит, Мейв, — тихо добавляет он, — что ты здесь не случайно. Что ты ищешь среди пыльных свитков?

— Книгу или что-то, — отвечаю, собирая остатки храбрости. — Где подробно описана история этого мира. История Врат. И поколений Вальхэрн.

Ксаар'Денрил медленно расправляет огромные крылья. Мраморный пол идеально отражает их тень. Одно движение — и он отталкивается, легко взмывая вверх, будто воздух сам держит его. Через мгновение он возвращается с массивным фолиантом и небрежно бросает его на широкий каменный стол. Глухой удар отдаётся эхом, нарушая привычную тишину этого места. Затем он снова взлетает — и возвращается уже с двумя такими же книгами, стянутыми толстыми, древними цепями.

Он усмехается, заметив мои огромные, ошеломлённые глаза.

— Возможно, ты найдёшь ответы здесь, — произносит он спокойно. — Но, помни, не всё, что написано, может оказаться истиной...

— Благодарю вас, — выдыхаю.

Ксаар'Денрил почти тепло кивает и уходит, растворяясь между стеллажами.

Только сейчас я замечаю внимательный, почти детский интерес во взгляде Грак'Тара. Его грозная фигура также неподвижно стоит у входа.

— Грак'Тар, — зову я осторожно. — Ты можешь... снять цепи?

Он молча подходит, мощными пальцами размыкает древний замок, цепи с глухим звоном падают на пол.

— Спасибо, — получается тепло и искренне.

Грак'Тар замирает. Оглядывает меня так, словно никогда прежде не слышал этого слова. Неловко попятившись обратно к двери, он так и не сводит с меня удивленных глаз, чем даже забавляет.

Передо мной лежит книга. Тёмная, живая кожа переплёта покрыта рельефными рунами, слабо пульсирующими золотым светом. Толстые, шероховатые страницы переливаются.

Открываю его трясущимися пальцами, перелистывая страницы с каким-то несвойственным мне благоговением.

Несколько часов подряд, почти до самой ночи я изучаю странные письма на чужом языке, который читаю, как свой родной.

«Падение Врат.

Тысячи циклов назад Ксир-Арх был частью Системы Планет. Древние Врата Аль'Ри-Тэйн соединяли миры, проводили армии, послов и потоки первородной мощи.

Когда Врата начали жаждаť всё больше энергии, вырывая её из миров, родились гуло-вые штормы. Эти штормы имели одну единственную цель – напитать Врата, уничтожая все на своём пути.

Высшие Кхарримы приняли решение — отказаться от всех захваченных миров и остаться на Ксир-Архе. Они разорвали ядро Врат, чтобы спасти реальность и свой род. Нетронута осталась только Печать Врат, сдерживать силу которой мог только самый крепкий по духу представитель рода.

Оставшиеся осколки Врат стали Разломами — живыми ранами между мирами, ведущими в неизвестность. Отчего они были чрезвычайно опасны. Род Вальхэрн способен уничтожить их, используя силу Печати...»

Я устало зеваю, раскрывая медальон с фотографией сына, но внезапно крик разрывает тишину! И происходит это так резко, что моё вымотанное тело вздрагивает раньше, чем я успеваю подумать. Грубый, ликующий шум поднимается со двора, и что-то в нём заставляет внутренности сжаться.

Выхожу наружу в сопровождении молчаливого стража — и останавливаюсь, будто врезаюсь в невидимую стену.

Во дворе устроено подобие аукциона.

Каменная круглая площадка, поднятая над толпой. Скованные фигуры. Канаты. Крики. Смех. Запах крови, пота и чужой жадности.

На сцену приводят Кхарримку — одну из тех пленных, с которыми я прибыла в Вэйлетар.

Ведущий Кхаррим, толстый, довольный, с украшенными рогами, плюётся от счастья и кричит цену, размахивая когтистой рукой.

— Три сотни шардов! — орёт он.

Шарды. Осколки кристаллизованной энергии. Цена жизни рабов.

Толпа ревёт. Победитель хватается за цепь, утаскивая пленницу прочь. Её взгляд — пустой. Сломанный. Мёртвый ещё до настоящей смерти.

Мне становится не по себе от их зверских законов.

— Следующий лот! — надывается ведущий.

И я вижу его.

Кор'Рэн!

Сердце срывается в болезненный ритм. Страх, жгучая тревога, отчаяние — всё накрывает сразу. Скованный, избитый, истощенный, с кровавыми следами на лице, он всё равно стоит прямо. Гордая осанка. Упрямый подбородок.

— Я такой же свободный, как и вы! — хрипло и яростно кричит он в толпу.

Ответом ему становится смех.

— Свободный? — ведущий наклоняется и с размаха бьёт его. — Ты грязный пленник из Тёмной Бездны. Раб. Мятежник. Тебе суждено сдохнуть в кандалах!

Смех усиливается. Галдящие, огромные Кхарримы выкрикивают цены, перекрывая друг друга. Грубые голоса оглушают. Цифры летят в воздух, как удары.

Я больше не думаю.

Расталкиваю толпу, натываясь на жёсткие тела, когти, рога. Меня толкают, рычат, но я иду вперёд, пока ноги дрожат, а дыхание рвётся из груди.

Вбегаю на сцену.

Шокированные взгляды устремляются ко мне. Наступает резкая, звенящая тишина.

Я падаю рядом с Кор'Рэном на колени. Холодный камень бьёт по коже. Хватаю его за плечи, ощущая под пальцами боль и жизнь.

— Я здесь, — выдыхаю, сама не зная, кому больше нужны эти слова — ему или мне.

Кор'Рэн поднимает на меня удивленные глаза. В них одновременно облегчение и страх за меня.

— Мейв... уйди... — шепчет он.

Но я уже поднимаю голову, а толпа начинает галдеть.

Глава 10. Мейв. Первая смерть.

Я не успеваю даже вдохнуть!

Что-то срывается сверху — резкое движение, порыв воздуха, запах горячего металла и звериной злобы. Страж аукциона подлетает ко мне и грубо хватает за руку. Я чувствую рывок — и сразу же вспышку боли.

Острые, грязные когти распарывают кожу от локтя до запястья, а мои ноги болтаются в воздухе.

Белая, ослепляющая боль взрывается в голове. Вскрикиваю, не узнавая собственного голоса. Тёплые капли крови срываются с пальцев и падают на каменный пол, оставляя тёмные пятна. Мир плывёт, но я всё ещё не отпускаю взгляд Кор'Рэна.

В следующую секунду что-то огромное врежется в стражника.

Грак'Тар.

Он бьёт со всей силы, отшвыривая его прочь, будто тот ничего не весит. Крылья распахи-ваются, перекрывая свет. Грак'Тар встаёт между мной и остальными, заслоня меня массивной спиной. Из его груди вырывается жуткий, низкий рык, от которого по коже бегут мурашки.

И только сейчас я понимаю.

Он не говорит, потому что ему вырвали язык.

Осознание накрывает неожиданно, почти болезненно. Все эти часы, его молчаливое при-сутствие, взгляды, движения — он не выбирал тишину. Его лишили голоса...

Во дворе повисает тяжёлая тишина.

Кхарримы таращатся на меня, перешёптываются, переглядываются. Я слышу обрывки фраз:

— Это та самая...

— Та, что вышла из Башни Смерти живой...

— Почему её охраняет Грак'Тар?

— Сам безжалостный полководец Восточных земель Владыки...

Кровь с раны продолжает капать на камень. Красные следы метками тянутся за мной.

Ведущий, побледнев, торопливо машет руками.

— Тише! Тише! Аукцион продолжается! Убрать это... — он указывает на меня, морщась.

— Не трогайте его! — кричу на их языке.

Голос срывается, но слова звучат отчётливо.

Толпа снова взрывается гневом.

— Откуда это существо знает нашу речь?!

— Кто ей позволил говорить?!

— Что рабыня себе позволяет?!

Кровь заливает пол под ногами. Голова кружится, но внутри поднимается странное горя-чее, яростное чувство, которое сильнее страха. Я толкаю ведущего плечом — он отшатывается, ругаясь. Ладонь натывается на стойку с факелами.

Я опрокидываю её.

Огонь взмывает вверх, жадно пожирая полотно, скрывающее заднюю часть сцены. Ткань вспыхивает мгновенно — и за ней открывается клетка.

Не одна.

Несколько.

Внутри — Кхарримы. Скованные и измождённые. Подготовленные к продаже, как товар. Теперь я полностью понимаю, почему их не убили на поле боя, а привезли сюда. Чтобы продать, как товар!

Толпа замирает.

Я стою среди огня, крови и криков, дрожа от холода и боли, и впервые понимаю: они боятся не меня.

Они боятся того, что я показываю. И я не принимаю это.

Удар приходит внезапно.

Грубая, тяжелая ладонь стража с силой бьёт меня по щеке. Вспыхивающая боль разрывает голову, мир переворачивается, и я падаю на холодный камень. Звон стоит в ушах, рот наполняется металлическим вкусом. Белые, предательские искры пляшут перед глазами.

Пытаюсь подняться — и не успеваю.

Сверху обрушивается тень.

Ревущий воздух, мощный порыв ветра, удар крыльев. Земля дрожит. Я чувствую это раньше, чем вижу.

Аэрес.

Он приземляется жёстко, словно сам воздух отказывается сдерживать эту мощь. Высокий, опасный силуэт встаёт посередине. Его взгляд скользит по сцене — по огню, по клеткам, по толпе, по мне, распростёртой на камне.

И замирает на Кор'Рэне.

Всё происходит слишком быстро.

Аэрес не произносит и слова.

Он просто двигается.

Один шаг — и Кор'Рэн ещё жив. Следующий — и его уже нет!

Резкое движение, сухой хруст. Короткий, оборванный звук. Тело Кор'Рэна безвольно падает на камень. Его глаза остаются открытыми.

Не осознаю, что кричу. Кричу ли вообще?!

Воздух сжимается в груди, не желая выходить. Сердце колотится так, будто пытается разорвать меня изнутри. Я хочу бежать к нему, хочу закрыть его глаза, хочу сказать хоть что-то, но ноги не слушаются.

Следующий удар — для стража.

Того самого.

Кхаррим, который ударил меня, успевает только отшатнуться. Аэрес хватается за горло, поднимает над землей — и ломает, как ломают сухую ветку. Коротко, без усилий и колебаний.

Тело падает рядом.

Страшное молчание накрывает двор.

Я смотрю на Кор'Рэна.

Тот, кто говорил мне пить.

Он улыбался, вспоминая чистую воду и верил в свободу даже здесь.

Горячие слёзы катятся по щекам. Я всхлипываю. В груди — рвущая, пустая боль, будто из меня вырвали что-то живое и нужное.

— Зачем... — вырывается у меня хрипло. — Зачем?

Аэрес поворачивается ко мне, не скрывая бушующий гнев.

И тогда страх становится настоящим.

Он подходит слишком быстро, целиком накрывая меня своей тенью. Аэрес хватается за плечи, рывком поднимая с камня.

— Не трогай меня! — кричу, отворачиваясь.

Слабо, но отчаянно, бью его в грудь. Толкаю. Пытаюсь вырваться. Его кожа горячая, как раскалённый камень, несмотря на холодный вечерний воздух.

— Отпусти! — голос срывается. — Я ненавижу тебя!

Владыка Вэйлетара сжимает меня сильнее, татуировка на его руке горит по-особенному ярко, когда я настолько близко.

Железные, беспощадные пальцы впиваются в спину, в талию, прижимают к себе. Его дыхание тяжёлое и злое. Я чувствую его густую, обжигающую пламенем ярость.

— Тихо, — рычит он в ответ.

Но я не могу.

Я плачу, всхлипываю и дрожу.

Крылья Аэреса распахиваются.

Мощный рывок — и земля уходит из-под ног. Холодный воздух рвёт лёгкие. Меня уносят вверх, прочь от двора, прочь от тел, от крови и от Кор'Рэна.

Крик тонет в рёве ветра.

Перед глазами темнеет. Слезы смешиваются с пылью. Мир распадается на обрывки — огонь, камень, небо и чёрные крылья.

Последняя мысль — пустая и страшная: я больше ничего не контролирую.

Аэрес не мог позволить символу сопротивления жить...

Темнота накрывает мягко и безжалостно.

Я прихожу в себя внезапно, словно вынырываю из тягучей тьмы. Горячая голова гудит. Глубокая постель подо мной кажется чужой и непривычно большой.

— Очнулась... — недовольный, скрипучий голос рядом.

Моргаю и вижу Сар'Кайру. Хмурое, угловатое лицо нависает надо мной, длинные рога отбрасывают резкие тени на стены. Она сидит близко.

— Ты слишком дерзкая, девчонка, — ворчит. — Слишком своевольная. Здесь так нельзя. За такое умирают!

Пытаюсь пошевелиться — и чувствую *это*.

Холодное, липкое давление на руке.

Резко распахиваю глаза и вижу, что Сар'Кайра сжимает моё запястье. А прямо на моей коже сидит *маленькое чудовище!*

Тёмное, слизкое тело размером с большой кулак. Полупрозрачная, пульсирующая кожа, под которой медленно переливается мутная жидкость. Множество тонких, крючковатых лапок впиваются в меня, удерживаясь на месте. На переднем отростке — раскрытый, влажный рот с кольцом мелких, стеклянных зубов. Оно *присосалось* ко мне, будто пиявка, и ритмично сокращается.

Вздрагиваю.

— Нет... — вырывается у меня. — Убери это! Убери, быстро!

Я кричу, дёргаюсь, пытаюсь вырвать руку, но Сар'Кайра мгновенно прижимает меня к кровати. Сильные пальцы вдавливают плечи в матрас.

— Не дёргайся, — резко отвечает она. — Если сорвёшь — истечёшь кровью! А её у тебя совсем немного.

Горячий страх подкатывает к горлу, дыхание сбивается. Я чувствую, как что-то тянет из меня не только кровь, но и тепло, и слабость, и боль.

— Это Зир'Кхол, — продолжает Сар'Кайра, словно говорит о кухонной утвари. — Мелкий, мерзкий, но полезный. А ты что думала? Сам Владыка Аэрес присосётся к твоей ране?

Она усмехается грязно и неприятно.

Ощущения отвратительные.

Холодная, чужая пульсация расползается по руке. Кожа вокруг немеет, затем начинает жечь, но рана стягивается.

Зир'Кхол тихо щёлкает, судорожно вздрагивая от удовольствия всем телом.

— Он вытянет гниль от отравленных когтей и закроет плоть, — ворчит Сар'Кайра, не смягчаясь. — Наевшись, сам отвалится.

Слезы катятся по вискам, впитываясь в подушки. Каждая минута тянется бесконечно долго.

Я лежу неподвижно, зажатая между страхом, болью и холодным, липким существом на руке, и впервые по-настоящему понимаю, что в этом мире даже лечение — пытка.

Аэрес входит без стука. Уверенные шаги глухо отзываются в моих покоях. Сар'Кайра мгновенно выпрямляется, бормочет какие-то оправдания и выходит, потупив взгляд, словно пойманная на проступке. Дверь закрывается.

Я чувствую его ещё до того, как оборачиваюсь. Высокую, давящую тень. Пристальный, надменный взгляд.

Бросаю взгляд на Аэреса — и сразу же отворачиваюсь к стене, зарываясь пальцами в кожи, чтобы успокоиться.

Какое-то время он просто стоит, как незванный гость.

— Не делай так, — резко произносит.

Молчу. Дышу неглубоко. Игнорирую.

Матрас прогибается — он садится на край кровати.

— Потакать рабам — это слабость! — голос Аэреса звучит глухо. — Слабость стоит дороже крови. Если позволить им кричать, спорить, надеяться — они начнут верить, что равны нам. А равенство разрушает порядок. Порядок — единственное, что удерживает Ксир-Арх от окончательного падения. Я Владыка, Мейв. Жалость — роскошь лишь для тех, у кого нет войска за плечами и мира, готового разорваться на части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.